
КРАСНОЕ

ЗНАМЯ

1905

ИНСТИТУТ
ЛЕНИНА

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Земля и воля!

Красное знамя.

Сборникъ

на 1-е мая 1905 года.

ПЕРВОЕ МАЯ.

(маршъ).

Первое мая! Первое мая!
Праздникъ труда и весны!
Праздникъ, въ который свобода святая
Шлетъ намъ отрадные сны!

Будутъ тѣ сны намъ звѣздой путеводною
Въ битвѣ священной со зломъ!
Жизнью счастливою, жизнью свободною
Скоро мы всѣ заживемъ!

Первое мая! Первое мая!
Солнца весенняго лучъ,
Въ окнахъ фабричныхъ маня и играя,
Шлетъ намъ надежду изъ тучъ.

Время придетъ... Эти мрачныя зданія
Общими станутъ тогда
И обратятся изъ мѣста страданія
Въ братскіе храмы труда.

Первое мая! Первое мая!
Снова природа цвѣтетъ;
Съ свѣтлой улыбкой плоды обѣщая,
Къ дружной работѣ зоветъ.

Нашей работой оплодотворенныя,
Зазеленѣютъ поля
И перестанутъ стонать обдѣленные:
Общею будетъ земля!

Первое мая! Первое мая!
Сломаны цѣпи зимы!
Братья, природы завѣтъ соблюдая,
Освободимся и мы!

Прочь ты, терпѣніе вьючной скотины,
Глянемъ, какъ люди, кругомъ...
Дружно! Расправимъ могучія спины,
Полною грудью вздохнемъ!

Первое мая! Первое мая!
Праздникъ весны и труда!
Ради себя и родимаго края
Сбросимъ ярмо навсегда!

Братья, насъ много; ихъ — горсть лишь ничтожная,
И передъ нами весь міръ!
Правда за насъ! Наша сила — надежная!...
Въ бой, какъ на праздничный пиръ!

Ф. Волховскій.

ПЕРВОЕ МАЯ 1905 г.

Совершеннолѣтіе русскаго рабочаго класса.

Вотъ уже 5 лѣтъ сознательные рабочіе всего образованнаго міра празднуютъ первое мая, какъ особый рабочій праздникъ. Празднуютъ его и русскіе рабочіе, чувствуя свою внутреннюю связь со своими братьями и сестрами — работниками и работницами другихъ странъ. Но никогда еще первомайское празднество не имѣло для русскаго трудящагося народа такого полнаго, захватывающаго и очевиднаго значенія, какое оно будетъ имѣть въ текущемъ году. Широкой волной прокатилось въ этомъ году по всей „Россійской имперіи" сознаніе своей силы въ рабочемъ народѣ. Отъ Петер-

бурга до Баку — отъ Варшавы до Саратова возникли громадныя стачки, однимъ изъ требованій которыхъ былъ тотъ самый *8 часовой рабочій день*, который былъ выставленъ въ 1889 г. на Парижскомъ съѣздѣ представителей рабочихъ и соціалистовъ всѣхъ странъ, какъ первое экономическое требованіе, связанное съ празднованіемъ перваго мая.

Но русскій рабочій людъ не ограничился при этихъ забастовкахъ требованіемъ 8 часоваго рабочаго дня. Въ Петербургѣ онъ сталъ настолько уже совершеннолѣтнимъ, что предъявилъ свои требованія не однимъ капиталистамъ и не о томъ только, чтобы нѣсколько ограничить собственную эксплуатацію со стороны капитала; онъ предъявилъ требованія и къ самодержавію, добиваясь основныхъ правъ человѣка и гражданина.

Всѣмъ уже теперь на Руси извѣстно, что 9-го января (по новому стилю — 22-го), около 150 тысячъ петербургскихъ фабричныхъ рабочихъ отправились къ Зимнему дворцу, чтобы предъявить лично царю Николаю слѣдующія требованія:

I. *Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:* 1. Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, свобода собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи; 2. общее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ; 3. отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія; 4. равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія; 5. немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за убѣжденія.

II. *Мѣры противъ нищеты народа:* 1. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ, прогрессивнымъ и подоходнымъ налогомъ; 2. отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земель народу.

III. *Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:* 1. Охрана труда закономъ; 2. свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ; 3. 8-часовой рабочій день и нормировка сверхуроч-

ныхъ работъ; 4. свобода борьбы труда съ капиталомъ; 5. участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроэкта о государственномъ страхованіи рабочихъ; 6. нормальная заработная плата.

Такъ не говорятъ ни младенцы, ни подавленные рабы, не смѣющіе думать ни о чемъ, кромѣ нѣкотораго облегченія страданій настоящей минуты. Такія требованія предъявляютъ только взрослые люди, чувствующіе, что ихъ трудомъ держится все государство, все общество и что поэтому они имѣютъ не только право быть рѣшителями общественныхъ и государственныхъ судебъ, но и настоять на такомъ устройствѣ общества, которое бы давало каждому честному трудящемуся гражданину полновѣсный кусокъ хлѣба и досугъ для образованія и для пользованія своими правами.

Празднуя 1 мая 1905 года, этотъ праздникъ сознанія рабочимъ классомъ своей силы, русскій трудовой людъ будетъ праздновать его также, какъ торжество своего совершеннолѣтія.

1-ое мая есть праздникъ братства. Провозглашая во всемірное свѣдѣніе, что трудящіеся люди всѣхъ странъ имѣютъ одинаковые интересы, будь они русскіе, китайцы, англичане, евреи, французы, поляки, армяне, японцы, украинцы или нѣмцы, первомайскій праздникъ тѣмъ самымъ говоритъ, что рабочему народу разныхъ странъ не изъ за чего ссориться, вести войны, но нужно жить въ братскомъ мирѣ между собой. *Требованіе всеобщаго мира было даже прямо установлено, какъ второе первомайское требованіе* и присоединено къ требованію 8-часового рабочаго дня на одномъ изъ международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ.

Опять таки и въ этомъ отношеніи рабочій людъ „Россійской имперіи“ будетъ праздновать 1-ое мая 1905 года, какъ полноправный и совершеннолѣтній членъ международной рабочей семьи. На него стряслось страшное бѣдствіе русско-японской войны. Тяжко застоналъ онъ подъ этимъ непосильнымъ бременемъ. Кровавыми слезами заплакалъ онъ по тысячамъ тысячъ

жизней, безъ всякаго смысла преступно уничтоженныхъ или изувѣченныхъ нашимъ людоѣдскимъ правительствомъ, сознательно ведущимъ народъ къ погибели!

Народъ не ограничился однако одними стонами и слезами. Почувствовавъ всѣмъ существомъ своимъ, какъ безсмысленна и преступна эта война, онъ сперва громко высказался противъ нея, потребовалъ ея немедленнаго прекращенія; а когда шайка грабителей, управляющихъ Россіей, не захотѣла слушать народнаго голоса, — то тамъ, то здѣсь началось противодѣйствіе преступной войнѣ. Во многихъ городахъ во время уличныхъ демонстрацій крики „долой войну" прорѣзывали воздухъ и подобныя же надписи виднѣлись на знаменахъ. Въ двухъ-трехъ городахъ, гдѣ рабочимъ ораторамъ удалось говорить въ земскихъ или думскихъ засѣданіяхъ, либо на либеральныхъ банкетахъ, они тоже требовали прекращенія войны. Не дальше, какъ 13 (26 по новому стилю) января, рабочіе г. Витебска, забастовавъ, выставили четвертымъ пунктомъ своихъ требованій „немедленное прекращеніе войны". То же требованіе было выражено рабочими и въ другихъ мѣстахъ, въ теченіе широкой волны стачечнаго движенія, прокатившейся по всей Россіи въ послѣднее время. Дѣло не остановилось на словесныхъ протестахъ. Когда тѣхъ же рабочихъ и крестьянъ призывали, въ качествѣ запасныхъ, становиться подъ знамена, они во многихъ мѣстахъ отказывались идти на Дальній Востокъ, разбивали казенныя монопольки и подчасъ дѣло доходило до кровавыхъ стычекъ между ними и регулярными войсками. Такъ было въ Могилевѣ, Каневѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ.

30 го января (12 февраля н. с.) четыре тысячи запасныхъ, скопившихся на станціи Бологое Московско-Николаевской жел. дороги, отказались сѣсть въ вагоны и стали сопротивляться регулярнымъ войскамъ; большихъ усилій стоило оттиснуть ихъ и замкнуть въ какія то помѣщенія, надѣясь привести къ сдачѣ посредствомъ голода. Около этого же времени 1200 запасныхъ,

привезенныхъ въ Кіевъ съ юго-запада, возмутились, напали на войска, охранявшіе вокзалъ и овладѣли станціей. При этомъ нѣсколько регулярныхъ солдатъ было убито. Былъ вытребованъ свѣжій батальонъ солдатъ и только съ его помощью, послѣ двухъ залповъ, положившихъ на мѣстѣ до 50 запасныхъ, возстаніе было подавлено. 11 января (24 н. с.) въ Ригѣ, 1000 человѣкъ запасныхъ, выведенныхъ изъ казармы въ зарѣчной части города для посадки на воинскій поѣздъ, проходя по понтонному мосту, стали бросать въ воду свои ружья, такъ что начальство поспѣшило нанять нѣсколько извозчиковъ и сложить на нихъ остальное оружіе, пока и его не побросали. Въ Томскѣ, по словамъ газетъ, полиція серьезно опасается, что ей не удастся отстоять линію желѣзной дороги, такъ какъ стачечники выразили намѣреніе воспрепятствовать движенію воинскихъ поѣздовъ, идущихъ съ провіантомъ и аммуниціей. Въ Омскѣ, по словамъ тѣхъ же газетъ, рабочіе открыто говорятъ, что если ихъ доведутъ до крайности, то они будутъ взрывать желѣзнодорожные мосты. Самыя стачки сильно тормозятъ высасываніе правительственными пьявками народной крови для проклятой войны. Забастовка въ Донецкомъ бассейнѣ и въ Домброво (въ Польшѣ) настолько пріостановила добычу необходимаго для желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ угля, что царь принужденъ былъ спѣшно разрѣшить безпошлинный ввозъ этого топлива изъ за границы. Движеніе поѣздовъ по Варшавско-Люблинской, Сосновицкой, Батумской и нѣкоторымъ другимъ линіямъ было прервано. Въ Поти нагрузка судовъ прекратилась. Въ царствѣ Польскомъ 42 рафинадныхъ завода, поставлявшіе сахаръ для дѣйствующей арміи и работавшіе день и ночь, всѣ стали.

Такимъ образомъ русскіе рабочіе на дѣлѣ подтвердили и поддержали то проявленіе международныхъ братскихъ чувствъ, которое было проявлено въ августѣ мѣсяцѣ 1904 года на послѣднемъ съѣздѣ соціалистовъ въ Амстердамѣ. По приглашенію предсѣ-

дателя съѣзда представитель русскихъ соціалистовъ, сидѣвшій по лѣвую руку отъ него и представитель соціалистовъ японскихъ, сидѣвшій по правую, встали, какъ и онъ, и подали другъ другу руки. Восторженный громъ рукоплесканій встрѣтилъ это проявленіе братскихъ чувствъ со стороны двухъ народовъ, правительства которыхъ заставляли ихъ враждовать между собою. Радостный гулъ и взрывы аплодисментовъ долго не смолкали и навѣрно это торжество братскихъ чувствъ не изгладится во всю жизнь изъ сердецъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье при этомъ присутствовать. Чувствовалось, что это былъ не холодный обрядъ, не простые слова и жесты, но выраженіе дѣйствительныхъ, глубокихъ, сильныхъ желаній всего сознательнаго рабочаго люда всѣхъ странъ. Видно было, что трудовой народъ разныхъ государствъ хочетъ относиться другъ къ другу какъ братья, которымъ не изъ-за чего враждовать и что онъ твердо рѣшиился добиться международнаго мира, начиная съ русско-японской войны, какія бы препятствія тому не чинили самодержавное чиновничество и правящіе классы.

Какъ извѣстно, въ 1903 г. рѣшено было на международномъ соціалистическомъ съѣздѣ (въ которомъ участвовали и нѣкоторые несоціалистическіе рабочіе союзы), чтобы на всѣхъ перво-майскихъ празднествахъ рабочіе всѣхъ странъ выражали свое сочувствіе русскимъ революціонерамъ и русскимъ рабочимъ въ ихъ борьбѣ съ царскимъ самодержавіемъ. Дѣйствіями своими въ теченіе послѣднихъ 12 мѣсяцевъ и тѣ и другіе укрѣпили за собою право на это почетное для нихъ рѣшеніе. Въ теченіи этихъ 12 мѣсяцевъ соціалисты-революціонеры избавили Россію отъ ея злѣйшаго палача, на которомъ сосредоточилась ненависть всего многомилліоннаго русскаго народа, да и не одного русскаго, а и польскаго, и украинскаго, и финляндскаго, и армянскаго, и еврейскаго, и многихъ другихъ,—Вячеслава фонъ-Плеве. 4 февраля (17-го по новому стилю) текущаго года таже партія избавила Россію отъ другой гадины: вели-

каго князя Сергѣя Александровича Ходынскаго. Уже однимъ подлымъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ къ рабочему народу, которое и повело къ погибели страшной смертью около 4 тысячъ трудового народа на Ходынкѣ во время коронаціи, снискалъ себѣ этотъ князь всеобщую ненависть и презрѣніе, но это было далеко не все. Распутный ханжа въ частной жизни, онъ въ жизни общественной всегда напоминалъ израильскаго царя Ровоама, который говорилъ своимъ подданнымъ: „отецъ мой казнилъ васъ бичами, а я буду казнить васъ скорпіонами.“ Ему доставляло особое удовольствіе разорять и подвергать всякимъ преслѣдованіямъ рабочихъ евреевъ города Москвы. Онъ нашептывалъ своему племяннику Николаю II, чтобы тотъ ни за что не уступалъ народнымъ желаніямъ и порекомендовалъ ему для усмиренія народа испытаннаго застѣночнаго мастера генерала Трепова. Еще раньше, когда этотъ Треповъ былъ у него въ Москвѣ оберъ-полиціймейстеромъ, Сергѣй вмѣстѣ съ нимъ расплодилъ тамъ зубатовщину, чтобы развратить тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ не надѣялся прижать каблукомъ. Разсчеты его съ этой стороны не удались, а событія 6 декабря 1904 г. показали, на какія кровавыя дѣла онъ способенъ, когда не достигаетъ цѣли обманомъ и подлостью. На это число, какъ извѣстно, была назначена обширная демонстрація. Демонстрація была совершенно мирная, о чемъ было предупреждено и начальство. Въ листкахъ Московскаго Комитета нашей партіи, выпущенныхъ передъ демонстраціей 5-6 декабря великій князь и его Ванька Каинъ-Треповъ предупреждались, что если они вздумаютъ устроить надъ безоружнымъ народомъ избіеніе, то отвѣтственность за это падетъ на нихъ и комитетъ сумѣетъ выполнить свой приговоръ. Въ отвѣтъ на это московской полиціи отданъ былъ наканунѣ приказъ отточить шашки и въ день демонстраціи надъ безоружнымъ народомъ, преимущественно учащейся молодежью, произведена была безчеловѣчная, ничѣмъ не вызванная рѣзня. Кровь муче-

никовъ вопіяла объ отомщеніи и хотя высочайшій трусъ поспѣшилъ сложить съ себя званіе генералъ-губернатора и спрятаться въ Кремль, думая, что тамъ безопаснѣе, но карающая бомба настигла его и тамъ.

Русскіе революціонеры работали неутомимо въ теченіи 12 мѣсяцевъ съ 1 мая прошлаго года и въ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Распространеніе книжекъ и листковъ среди крестьянства приняло небывалые размѣры. Для этого создана цѣлая литература. Особенно жгучіе для крестьянства вопросы разсматриваются въ коротенькихъ, такъ называемыхъ листовкахъ, которые имѣютъ, между прочимъ, то удобство, что легко перепечатываются въ Россіи и расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Если принять во вниманіе, какую безконечно преобладающую массу населенія составляетъ у насъ крестьянство, какую рѣшающую роль оно должно играть въ начинающемся переворотѣ, то станетъ очевидно, какъ важна эта сторона дѣятельности. Городскіе и фабричные рабочіе, сами плоть отъ плоти и кость отъ кости трудового крестьянства, уже оказали неисчислимую услугу родинѣ и всему человѣчеству, внося политическое и экономическое сознаніе въ крестьянскія массы. Они должны утроить, удесятерить свои усилія въ этомъ направленіи. Тогда только начавшаяся уже въ Россіи революція приметъ дѣйствительно народный характеръ. Тогда только при грядущемъ переворотѣ измѣнятся не однѣ только политическія формы, но и основаніе всей русской жизни — отношеніе къ землѣ. Необходимо, чтобы при надвигающемся переворотѣ земля, за много столѣтій расхищенная царями, барами, чиновниками и поповствомъ, снова стала общенароднымъ достояніемъ, чтобы пользоваться ею могъ только тотъ, кто дѣйствительно прилагаетъ къ ней свои руки и пользоваться не въ большемъ размѣрѣ, какъ и другіе такіе же честные труженники. Только устроивъ и укрѣпивъ поземельныя отношенія на этомъ справедливомъ началѣ, грядущій переворотъ подведетъ прочное основаніе подъ

всю народную жизнь и хотя этимъ не будетъ еще введенъ соціалистическій строй, но мы приблизимся къ нему и огромнымъ массамъ нашего населенія (такъ какъ земледѣльцы составляютъ въ Россіи громадное его большинство) будетъ обезпечена такая степень безбѣдности, такая степень досуга, которая дастъ имъ дѣйствительную возможность пользоваться тѣми великими гражданскими и политическими правами, которыя будутъ завоеваны и созданы на развалинахъ семижды семьдесятъ разъ проклятаго самодержавія.

О политическомъ ростѣ нашего фабричнаго и городского рабочаго населенія нечего много распространяться. Доказанная ими, подъ предводительсвомъ отца Георгія Гапона, безнадежная трусость царя, его отчужденность отъ народа и полное умственное и нравственное ничтожество окончательно раскрыло глаза тѣмъ, все еще огромнымъ массамъ русскихъ тружениковъ, которые, по старой косности мысли и чувства, продолжали возлагать несбыточныя и ни съ чѣмъ несообразныя надежды на то, что царь изъ главнаго коршуна превратится въ покровителя всѣхъ мелкихъ пташекъ, по зернышку собирающихъ свое пропитаніе. Отголоски петербургскихъ событій, въ видѣ вспыхивающихъ одна за другою стачекъ по всему необъятному пространству Россіи, доказали существованіе среди русскаго рабочаго населенія такого товарищескаго духа, такой готовности поддержать другъ друга, какимъ, пожалуй, можетъ позавидовать и Западная Европа. И все, что есть лучшаго въ населеніи образованныхъ странъ міра привѣтствовало эти черты; тысячи милліоновъ человѣческихъ сердецъ забились сочувствіемъ къ русскимъ безвѣстнымъ борцамъ-героямъ за свободу и справедливость, и сочувствіе это выразилось не въ однихъ словахъ. Громадные народные сходы стали устраиваться во Франціи, Бельгіи, въ Англіи, въ Америкѣ, въ Италіи, въ Австріи — да и не перечислить поименно всѣхъ этихъ странъ! Трудящіяся рабочія массы и цвѣтъ интеллигенціи цивилизованнаго міра клеймили на этихъ

собраніяхъ вѣроломство и дикость русскаго правительства и протягивали братски руку русскимъ борцамъ за лучшее будущее. На этихъ сходахъ всякій просилъ принять и его лепту на помощь жертвамъ этого вѣроломства и дикости. Образовались особые комитеты для пожертвованій въ пользу русскихъ стачечниковъ. И братская помощь человѣка человѣку получила яркое выраженіе. Не одна семья, обездоленная „отеческимъ“ царскимъ правительствомъ, утретъ свои слезы, благодаря копейкѣ, братски протянутой какимъ нибудь невѣдомымъ ей англичаниномъ, французомъ или нѣмцемъ.

Царское правительство, не знающее ни чести, ни совѣсти, не понимающее ни безкорыстнаго негодованія, ни братскаго сочувствія и всегда готовое проползти на брюхѣ, гдѣ оно не надѣется устоять на ногахъ, попыталось оболгать и русскій рабочій народъ, и добрыя чувства его чужеземныхъ доброжелателей. Полиція распространяла въ Москвѣ въ розницу — и устно и печатно — сплетни, будто японцы и англичане ассигновали восемнадцать милліоновъ на возбужденіе „безпорядковъ“ въ Россіи, а „святѣйшій“ Синодъ благоподлѣйше повторилъ оптомъ ту же клевету именемъ „Святой Матери — Церкви Православной.“ „Волненія рабочихъ“, говорятъ святые лжецы, „вызваны подкупами враговъ Россіи и всякаго порядка общественнаго“. Но скоро казеннымъ продажнымъ шкурамъ пришлось поджать хвостъ. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, узнавъ о клеветѣ, потребовалъ объясненій, и царское правительство принуждено было запретить дальнѣйшее распространеніе сплетенъ оффиціальными путями и обѣщать посланнику назначить слѣдствіе о томъ, кто ихъ пустилъ въ ходъ.

Едва ли многимъ больше посчастливится этой шитой бѣлыми нитками выдумкѣ и среди русскихъ массъ. Тѣ, у кого вмѣсто мозга въ головѣ мякина, — тѣ, кто самъ никогда не зналъ ни безкорыстнаго негодованія, ни братскаго сочувствія, — может быть и повѣрятъ

ей. Но всѣ тѣ, у кого *есть* голова на плечахъ и сердце на надлежащемъ мѣстѣ, — всѣ честные люди, способные на человѣческое чувство, поймутъ, что сочувствіе и посильная помощь другихъ народовъ пострадавшимъ отъ правительственныхъ звѣрствъ рабочимъ, погибшимъ за справедливость, *есть* проявленіе лучшихъ чувствъ, связывающихъ человѣчество. Благодаря ихъ яркому проявленію, русскій рабочій людъ съ удвоенымъ увлеченіемъ, съ усиленнымъ сознаніемъ своего права отпразднуютъ перваго мая 1905 г. международный праздникъ мира, братства и соціализма. Густыми толпами выйдетъ онъ на улицу подъ своимъ неизмѣннымъ, вѣрнымъ краснымъ знаменемъ и, если къ тому времени не придетъ еще конецъ самодержавію и неправому владѣнію землей на правѣ личной собственности, то онъ дружнымъ натискомъ положитъ начало этому концу!

Да здравствуетъ первое мая!
Да здравствуетъ рабочій народъ!
Да здравствуетъ земля и воля!

ВОСЕМЬ ЧАСОВЪ.

Братья, нѣтъ болѣе силъ для терпѣнья! Мы слишкомъ устали
Вѣчно бороться за жизнь — эту жизнь нищеты и печали!
Хочется воздуха, солнца, простора, душистыхъ цвѣтовъ...
Прямо и смѣло заявимъ: мы требуемъ — „восемь часовъ"!
Всюду — на фабрикахъ, въ шахтахъ, въ толпахъ возглашайте народныхъ:

„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна и во-
семь — свободныхъ!“

Наши волы, что покойно пасутся, покончивши трудъ,

Птицы небесныя, звѣри лѣсные счастливѣй живутъ...

О, если такъ... для чего, для чего же душа въ насъ
живая?

Сдвинемся, братья, сомкнемся! Повсюду, отъ края до
края!

Съ бою возьмемъ нашу долю. отбросивъ покорность
раба;

Знайте, цари и тираны, что насъ не пугаетъ борьба!

Грянь же, нашъ кличъ боевой, и въ поляхъ, и въ соб-
раньяхъ народныхъ:

„Восемь часовъ для труда, восемь — для сна и во-
семь — свободныхъ!“

КУЗНЕЦЪ.

Ни роду нѣтъ, ни племени,
Заводъ — вотъ вся семья
И бьетъ тебя по темени
Весь вѣкъ судьба-змѣя.
Какъ вѣтеръ, молотъ носится,
Потъ градомъ такъ и льетъ,
Изъ сердца пѣсня просится,
Да на языкъ нейдетъ.
Бросается кровь въ голову,
Лицо огонь палитъ,
Глаза испортилъ съ молоду,
И грудь давно болитъ.
Истратится вотъ силушка,
Глядь — старость за спиной!

А впереди? — могилушка
Иль — по міру съ сумой!

Л. Я. Н—скій.

НОВАЯ НАГОРНАЯ ПРОПОВѢДЬ.

Золотое солнце глядѣло съ высоты на землю и ласково удыбалось, любуясь ею. И нельзя было не любоваться: дремучіе лѣса, роскошные заливные луга, веселыя рощицы, голубыя рѣки, тихія въ нихъ заводи—дѣлали землю настоящей красавицей. А въ тѣхъ лугахъ горѣлъ раскаленнымъ уголькомъ полевой макъ, кивали другъ другу голубыми головками колокольчики... Въ заводи глядѣлись, словно красныя дѣвушки, пришедшія купаться — бѣлоствольныя березы и мочили въ зеркальной водѣ свои нѣжныя зеленыя кудри... Въ бору могучія сосны стояли, словно добрые великаны, стерегшіе прохладу отъ дневного зноя... Въ рощицѣ сидѣлъ въ чащѣ соловушко и только дожидался вечерняго покоя, чтобы начать свои хватающіе за сердце переливы... И рѣзвая рыбка, радуясь свободѣ и раздолью, выскакивала изъ рѣчныхъ струй и снова ныряла, блеснувъ чешуей...

На все это глядѣло съ высоты небесной ясное солнышко и, видя земное приволье, и красоту, и полноту даровъ земныхъ,—радовалось.

Но день склонялся къ вечеру и чѣмъ ближе къ землѣ опускалось солнце, тѣмъ больше теряло оно свою ясность: оно теперь разглядѣло безобразныя пятна на общей красотѣ земли, — пятна, которыя не были вовсе замѣтны, пока свѣтлое солнышко держалось высоко.

Теперь оно увидѣло громадныя, безобразныя, кирпичныя зданія фабрикъ съ высокими, прямыми, какъ палка, трубами, изрыгавшими клубы чернаго дыма, который скрывалъ отъ земли ясное, голубое небо. Оно увидѣло, посреди горъ чераго мусора и черныхъ,

мертвыхъ пустырей, на которыхъ не росло ни одной былинки—громадные ходы въ землю, словно громадныя норы, изъ которыхъ постоянно поднимались бадьи съ каменнымъ углемъ и унылыя черныя кучи кругомъ все росли и росли. А главное — солнышко увидѣло людей — рабочихъ людей. Черные, закоптѣлые, или просто грязные, одѣтые въ рвань, съ красными отъ натуги, или потными отъ нестерпимаго жара лицами, они копошились всюду, обезображивая прекрасный ликъ земли.

И, глядя на все это, солнце сперва затуманилось, а потомъ стало постепенно краснѣть.

Вдругъ раздались на разные голоса гудки съ заводовъ и шахтъ: они выли, свистѣли, визжали, но всѣ одинаково терзали уши. Черезъ нѣсколько минутъ изъ фабричныхъ и заводскихъ воротъ, изъ каменноугольныхъ копей повалили толпы пошабашившихъ смѣнъ. Сельчане тоже оставляли полевыя работы и тянулись за фабричными. Скоро цѣлое море заплатанныхъ, а то и просто рваныхъ рубахъ, посконныхъ портковъ, дырявыхъ сапогъ, засаленыхъ картузовъ—разлилось по всѣмъ дорогамъ... А главное—лица... эти лица! Усталыя, испитыя, изможденныя, многія съ печатью нетронутой тупости,в скормленной однообразіемъ работы и темнотой; многіе съ яснымъ, умнымъ взглядомъ, но и съ печатью страданія, и всѣ — съ отпечаткомъ подневольности... Точно они принадлежали не свободнымъ по рожденію людямъ, а живымъ вещамъ, состоящимъ на счету, но въ полномъ пренебреженіи у хозяина.

И, видя всю эту бѣдность среди естественнаго богатства — всю эту вынужденную грязь и муку среди красоты матери-природы, предлагающей наслажденіе всѣмъ и каждому; — видя униженіе разумныхъ существъ среди земного приволья, солнце побагровѣло отъ стыда и гнѣва и быстро ушло за высокій холмъ.

Былъ и еще нѣкто, кромѣ солнышка, кто видѣлъ и понималъ всю горечь развернувшейся картины. Это былъ человѣкъ, человѣкъ пришлый. На немъ былъ черный, старенькій подрясникъ и скуфья; за плечами покоилась тощая котомка; вся его худощавая фигура, пере-

тянутая широкимъ кожаннымъ поясомъ, была густо присыпана дорожной пылью. Вѣроятно, это былъ паломникъ, ходившій по «святымъ» мѣстамъ, гдѣ онъ отмаливалъ свои и чужіе грѣхи. Въ глазахъ его свѣтилось много доброты, но доброта эта была, словно, чѣмъ придавлена. Онъ слышалъ грубыя шутки и ругательства мимоидущихъ и душа его болѣла объ этихъ людяхъ; ибо онъ чувствовалъ, что распущенными рѣчами они отводятъ усталую, вымотанную душу, и если переругиваются, то потому, что истома сдѣлала ихъ раздражительными. Онъ отъ всего сердца хотѣлъ помочь этимъ людямъ и рѣшился сдѣлать это единственнымъ извѣстнымъ ему способомъ.

Онъ поднялся на холмъ и надтреснутымъ, но дрожащимъ отъ волненія голосомъ обратился къ мимоидущимъ:

— «Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я успокою васъ», такъ говоритъ господь. Остановитесь же, вы всѣ, на кого неустанный трудъ наложилъ свою печать изможденія и кто не чаетъ и дома найти отрады и отдыха, ибо тамъ ждетъ ихъ бѣдность и скудость... Остановитесь, ибо вы найдете успокоеніе въ словѣ божіемъ.

Мало по малу около странника собралась большая толпа. Она внимательно слушала, а странникъ говорилъ.

Онъ училъ, что нѣтъ народу иного пути, кромѣ терпѣнія, нѣтъ другого оружія противъ сильныхъ міра сего, кромѣ смиренія; нѣтъ другого средства спастись, кромѣ непротивленія.

Онъ говорилъ:

— Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное.

— Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся.

— Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю...

Его надтреснутый, но добрый, проникающій голосъ, звучавшій искреннимъ убѣжденіемъ, трогалъ за сердце и убаюкивалъ умъ, какъ убаюкивало его и самое содержаніе проповѣди. Толпа росла. Въ ней слышались вздохи, умиленный шопотъ женщинъ и если бы внимательно присмотрѣться къ слушателямъ, то въ глазахъ нѣкоторыхъ можно бы замѣтить и слезы.

Проповѣдникъ наконецъ остановился. Упавъ на колѣни, онъ поднялъ глаза и руки къ небу и началъ молиться. Но едва кончилась его молитва, едва замеръ послѣдній взволнованный шопотъ паломника, какъ рядомъ съ нимъ, на не совсѣмъ еще стемнѣвшемъ небѣ вырисовалась повая фигура. Этотъ человѣкъ былъ также неизвѣстенъ окружающей толпѣ, но тѣмъ болѣе приковывалъ онъ къ себѣ ея взоры. Онъ нисколько не походилъ на сгорбленнаго странника. Одѣтъ онъ былъ въ обыкновенное платье горожанина; его жилистаая фигура держалась прямо, голова была поднята высоко и горѣвшіе внутреннимъ огнемъ глаза смѣло глядѣли на толпу, быстро переходя съ одного лица на другое.

— Братья и сестры, крикнулъ онъ громкимъ груднымъ голосомъ: — и я имѣю сказать вамъ свое слово. Вы слышали проповѣдь и она тронула васъ, но надолго-ли хватитъ вамъ того успокоенія, которое она влила въ ваши сердца? Только до дверей вашихъ казармъ, или хибарокъ, гдѣ нищета и грязь, отсутствіе человѣческой обстановки, нечеловѣческая работа женщинъ и оставленныя безъ воспитанія, какъ крапива при дорогѣ, дѣти — опять начнутъ сосать ваше сердце и угнетать вашъ умъ... Вы слышали проповѣдь. Вотъ уже скоро двѣ тысячи лѣтъ, какъ раздалась она впервые въ Галилеѣ. Съ того времени, изо дня въ день и на всѣ лады кормятъ народъ обѣщаніями всякихъ блаженствъ, если онъ будетъ безропотно пребывать въ смиреніи и кротости. Да, цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ обѣщаютъ всѣмъ плачущимъ, что они утѣшатся, и кроткимъ, что они наслѣдуютъ землю. Такими проповѣдями богатые и сильные міра сего усыпляли народъ и тѣмъ вѣрнѣе держали его въ позорѣ и рабствѣ. Пора положить конецъ этому вѣковому обману и отвергнувшись лжи, познать истину!

Въ толпѣ поднялось движеніе. Раздался гулъ смѣшанныхъ голосовъ.

— Прогоните этого богохульника!... кричалъ старческій голосъ.

— Ничего, посмотримъ, что онъ намъ скажетъ,—выкрикнулъ другой слушатель.

— Пусть говоритъ! Пусть говоритъ! Оставьте его!

загудѣло множество голосовъ, и чужестранецъ, до сихъ поръ молча ожидавшій, пока стихнетъ шумъ, заговорилъ снова.

— Я возвѣщу вамъ новое евангеліе, которому суждено спасти страдающій родъ людской. Я научу васъ новой истинѣ, которая кроткихъ ягнятъ обратитъ предъ лицомъ волковъ въ тигровъ, а васъ — въ богатырей, торжествующихъ надъ притѣснителями.

У холма воцарилась вдругъ мертвая тишина. Стали слышны переливы соловья въ отдаленной рощѣ, и отчетливо донесся слабый стукъ телѣги, проѣхавшей далеко, далеко по пыльной дорогѣ. И вотъ съ высоты холма раздалось новое слово: не слово склоненія головы подъ всякимъ ударомъ во имя любви, не приносящей добра, а слово силы, направленной на дѣятельное добро, — слово мощи, защищающее человѣческое достоинство, — слово ненависти къ злу, ради любви къ человѣку. Чужеземецъ говорилъ:

— Несчастны нищіе духомъ, примирившіеся со своей нищетой и не возставшіе противъ неправды. Имъ не будетъ принадлежать царство небесное, ибо нѣтъ другого «царства небеснаго», кромѣ царства правды на землѣ. Блаженны всѣ недовольные своимъ нищенствомъ духовнымъ и житейскимъ, всѣ возмутившіеся противъ своего невѣжества и униженія, ибо лишь такимъ суждено осуществить царство божье на землѣ.

— Несчастны плачущіе! Ибо слезы суть признакъ слабости, отказъ отъ борьбы. Утѣшенія надо искать не въ слезахъ, а въ сопротивленіи, въ борьбѣ. Блаженны борющіеся, ибо они не плачутъ и не нуждаются въ утѣшеніи.

— Несчастны кроткіе, встрѣчающіе насиліе тупой, смиренной, безропотной кротостью! Они никогда не наслѣдуютъ землю, ибо землею давно завладѣли сильные и жадные, сердце которыхъ одеревенѣло, а умъ изощрился въ защитѣ того, что они награбили. Ожидать, что они отдадутъ землю въ наслѣдство кроткимъ за ихъ кротость — все равно, что ожидать отъ кукушки, что она, когда подростетъ въ чужомъ гнѣздѣ, не выкинетъ изъ него птенчиковъ настоящей матери. Блаженны мужественные и непокорные, ибо

лишь они, сильные волею и мощью, завоюютъ и наслѣдуютъ землю.

— Несчастны алчущіе и жаждущіе правды, если они ничего не дѣлаютъ для утолѣнія своей жажды и возложили всѣ свои надежды на бога. Ибо они никогда не насытятся... Блаженны всѣ возставшіе противъ неправды, ибо они уже близки къ насыщенію.

— Несчастны милостивые къ немилосердію, ибо они умножаютъ зло на землѣ. Всякое милосердіе, оказанное притѣснителю, есть жестокость по отношенію къ притѣсняемымъ; всякая милость, оказанная палачу, превращается въ ударъ его жертвѣ.... Блаженны же тѣ, что не знаютъ милосердія къ палачамъ и покорны лишь голосу справедливости, ибо они не нуждаются въ милости.

— Несчастны миротворцы, накладывающіе заплаты на изношенную одежду, не дающую болѣе защиты носящимъ ее. Несчастны миротворцы, ибо то, что они будутъ наречены сынами божьими, не сдѣлаетъ ихъ способными постоять за правду. Войнѣ надо противопоставить войну, насилію — силу, — таковъ законъ жизни и дѣятельной любви. Блаженны тѣ, которые не толкуютъ о мирѣ, когда необходимъ отпоръ и не болтаютъ лицемѣрно о возможности братства между волками и овцами. Блаженны сѣющіе сѣмена борьбы и возстанія противъ зла, ибо они будутъ наречены сынами правды.

— Несчастны вы, если васъ станутъ *безнаказанно* гнать, поносить и всячески злословить за правду; несчастны вы, если такія гоненія не заставятъ васъ, гонимыхъ, подать братски другъ другу руки и объединиться, и составить легіонъ правды, и препоясавъ чресла свои мечемъ, встать съ чистой душой и мужественнымъ сердцемъ противъ нечестивыхъ. Царство небесное на землѣ принадлежитъ не терпѣливо страдающимъ, хотя бы даже за правду, а всѣмъ неспособнымъ терпѣть кривду и угнетеніе. Блаженны тѣ, которые не хотятъ терпѣливо выносить гоненіе даже за правду, ибо правда не должна быть гонима, но сіять всѣмъ, какъ солнце, изливая свѣтъ и теплоту на всѣхъ невозбранно.

Такъ говорилъ незнакомецъ и слова его отдавались

въ сердцахъ предстоящихъ, какъ звонъ набатнаго колокола. Онъ вселялъ въ нихъ тревогу, онъ призывалъ ихъ къ опасностямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подавалъ имъ надежду на лучшую жизнь — не за гробомъ, до котораго ихъ должны были довести непереносныя лишенія, непосильная работа и горькія униженія, а здѣсь, на землѣ, въ кругу дорогихъ имъ и близкихъ. И глаза ихъ загорались огнемъ, а груди высоко подымались отъ обуявшихъ ихъ новыхъ чувствъ...

Тѣмъ временемъ ласковая ночь уже окутала землю своимъ темнымъ пологомъ и брызнула по небу звѣздами.

Но толпа не расходилась; набатный колоколъ продолжалъ звучать:

— Противьтесь злу всѣми средствами, не исключая насилія, и не слушайте тѣхъ, кто проповѣдуетъ вамъ подставлять лѣвую щеку, когда ударяютъ васъ въ правую; ибо эти люди, въ безуміи своемъ, только усугубляютъ и увѣковѣчиваютъ неправду. Нѣтъ, на каждый ударъ отвѣчайте ударомъ, и тѣмъ самымъ вы отобьете у притѣснителей охоту бить другихъ.

— Не слушайте тѣхъ, кто говоритъ вамъ, что не надо противиться, когда васъ обираютъ и грабятъ, и что, если съ васъ снимаютъ рубашку, то должно отдать добровольно еще и остальную одежду. Не слушайте ихъ, ибо такъ говорятъ подкупленные холопы и ставленники вашихъ грабителей, или люди, сердце которыхъ дрябло, какъ испорченный плодъ, который ни взора ничьего не радуетъ, ни голода утолить не можетъ.

— Вы слышали, что сказано: «любите враговъ вашихъ и благословляйте обижающихъ и гонящихъ васъ»... А я говорю вамъ: ненавидьте враговъ вашихъ всѣми силами души, если эти враги суть въ то же время гонители истины и справедливости.

Итакъ, прочь вѣковое терпѣніе! Подымите голову и держите ее высоко, ибо съ вами правда и, если захотите, съ вами же будетъ и сила!

Вы слышали кличъ: *труждающіеся и обремененные всѣхъ странъ соединяйтесь!* Слѣдуйте этой заповѣди трудового люда, вы всѣ, крестьяне и рабочіе! Объ-

единяйтесь въ великія рабочія арміи и выступайте въ походъ на борьбу за землю и волю!

Лишь въ борьбѣ обрѣтете вы право свое!

Кармелюкъ.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ ВЪ РОССІИ.

Русскій народъ объявилъ, наконецъ, войну царю и его опричникамъ. Весь сермяжный людъ, крестьяне и рабочіе, подымается по всѣмъ мѣстамъ и концамъ Россіи, чтобы освободить себя изъ тяжкаго плѣна, въ которомъ онъ пребывалъ вѣками у русскаго царя съ его чиновничествомъ и солдатчиной. Эта разбойническая шайка довольно ужъ грабила русскій народъ, выжимала изъ него послѣднюю копейку, ругалась надъ женщинами и дѣтьми, засѣкала и разстрѣливала мужчинъ и держала въ ужасѣ всю землю русскую. Довольно! Теперь у русскаго народа все отнято, все поругано, ему *терять* нечего, а слѣдовательно и *бояться* нечего. Страхъ исчезъ, осталась одна рѣшимость: или побѣдить, или умереть въ бою.

И вотъ мы видимъ, какъ по всей Россіи

Рать подымается
Неисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая...

Сигналомъ послужили январскія событія въ Петербургѣ. Спичкой, которая зажгла пожаръ, оказалась стачка на Путиловскомъ заводѣ, поводомъ къ которой послужило увольненіе четырехъ рабочихъ, состоявшихъ членами „С.-Петербургскаго Общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“. Предсѣдателемъ этого общества былъ священникъ Георгій Гапонъ, самъ сынъ народа и вѣрный другъ его. Онъ пользовался большой любовью у петербургскихъ рабочихъ. 3-го

января, въ понедѣльникъ началась стачка, а въ пятницу стояло въ рядахъ ея уже около 150.000 рабочихъ изъ всѣхъ различныхъ фабрикъ и заводовъ. Забастовка сдѣлалась всеобщей.

И тогда у отца Гапона явилась мысль повести всю эту массу къ Зимнему Дворцу, къ царю и передать ему прошеніе отъ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ объ улучшеніи ихъ судьбы.

Въ прошеніи этомъ говорилось слѣдующее:

Государь!

Мы, рабочіе и жители г. Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители пришли къ тебѣ, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, къ намъ относятся, какъ къ рабамъ.

Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше и дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества; насъ душатъ деспотизмъ и произволъ и мы задыхаемся. — Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію.

Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ.

И вотъ мы бросили работу и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немного просили. Мы желали того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали — въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что за нами не признаетъ законъ такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочихъ часовъ до 8 въ день и устанавливать цѣны на наши работы вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей завода, назначить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ не ниже 1 р. въ день, отмѣнить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленія, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было бы работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга, копоти и дыма.

Все оказалось, по мнѣнію нашихъ хозяевъ, противозаконно. Всякая наша просьба — преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе—дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь, насъ здѣсь больше 300.000 — и все это люди только по виду, только по наружности. въ дѣйствительности же за нами, какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не

признаютъ ни одного человѣческаго права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія.

Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ — въ защиту интересовъ рабочаго класса — бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть рабочаго, безправнаго, измученнаго человѣка, значитъ совершить тяжкое преступленіе.

Весь народъ рабочій и крестьяне отданы на произволъ чиновничьяго правительства, состоящаго изъ казнокрадовъ и грабителей, не только совершенно не заботящихся объ интересахъ народа, но попирающихъ эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полнаго разоренія, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведетъ Россію къ гибели. Мы даже не знаемъ, куда и на что деньги, собираемыя съ обнищавшаго народа, уходятъ. Народъ лишенъ возможности выражать свои желанія, требованія, участвовать въ установленіи налоговъ и расходованіи ихъ. Рабочіе лишены возможности организоваться въ союзы для защиты своихъ интересовъ.

Государь, развѣ это согласно съ божескими законами, милостью которыхъ ты царствуешь? Не лучше-ли умереть всѣмъ намъ — трудящимся людямъ всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники-казнокрады, грабители русскаго народа. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь!

И это-то насъ и собрало къ стѣнамъ твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи же въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ, разрушь стѣну между тобою и твоимъ народомъ и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобою. Вѣдь ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе.

Взгляни безъ гнѣва внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ, вѣдь *ему* только извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ

сословій. Пусть тутъ будетъ и крестьянинъ, и рабочій, и священникъ, и капиталистъ, и учитель; пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей, пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, — а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Эта самая главная наша просьба; въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ ранъ, безъ котораго наши раны вѣчно будутъ сочиться и поведутъ насъ быстро къ смерти.

Но одна мѣра все же не можетъ залѣчить всѣхъ нашихъ ранъ; необходимы еще и другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ отъ лица всего трудящагося класса Россіи.

I. Мѣры противъ нищеты народной:

1) Передача земли народу и отмѣна выкупныхъ платежей; дешевый кредитъ.

2) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

3) Исполненіе заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ должны быть въ Россіи, а не заграницей.

4) Прекращеніе войны по волѣ народа.

II. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Немедленное возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и крестьянскіе безпорядки.

2) Немедленное объявленіе свободы и неприкосновенности личности, свобода слова, печати, собраній, совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3) Всеобщее и обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

4) Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантіи законности управленія.

5) Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6) Отдѣленіе церкви отъ государства.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2) Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ комиссій выборныхъ рабочихъ, которыя совмѣстно съ администраціей разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ. Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе какъ по постановленію этой комиссіи.

3) Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ союзовъ немедленно.

4) 8-часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5) Свобода борьбы труда съ капиталомъ немедленно.

6) Нормальная рабочая плата немедленно.

7) Непремѣнное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ немедленно*).

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ; лишь при удовлетвореніи ихъ возможно освобожденіе нашей родины отъ рабства и нищеты, возможно ея процвѣтаніе, возможно организоваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ отъ новой эксплуатаціи капиталистовъ и грабящаго и душащаго народъ чиновничьяго правительства.

Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію и счастливой, и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена; а не повелишь—мы умремъ здѣсь на этой площади передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и счастью, или въ могилу. Укажи, Государь, любой изъ нихъ, — мы пойдемъ по немъ безпрекословно, хотя бы это и былъ путь смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

Кромѣ этого прошенія, отецъ Гапонъ написалъ слѣдующее письмо царю, прося его выслушать пожеланія своего народа.

Государь, не думай, что твои министры сказали тебѣ всю правду о современномъ положеніи. Народъ весь вѣритъ въ тебя; онъ рѣшилъ явиться завтра въ два часа пополудни къ Зимнему Дворцу, чтобы представить тебѣ свои нужды.

Если, въ нерѣшимости, ты не покажешься народу, ты порвешь нравственную связь, существующую между тобой и твоимъ народомъ. Довѣріе, которое онъ питаетъ къ тебѣ, исчезнетъ. И на этомъ мѣстѣ между тобой и народомъ прольется невинная кровь. Явись завтра передъ твоимъ народомъ и прими съ открытой душой нашу смиренную петицію. Я, представитель рабочихъ, и мои мужественные товарищи,—мы гарантируемъ неприкосновенность твоей личности.

Весь день 7-го и 8-го января во всѣхъ отдѣлахъ Русскаго Общества Рабочихъ шли непрерывныя собранія. Читалось въ нихъ прошеніе, составленное Гапономъ, собирались подписи, и рабочіе приглашались собраться 9 го, въ воскресенье утромъ, чтобы всей

---

*) Эти требованія приведены также на стр. 3-4 настоящаго сборника, но въ сокращенномъ видѣ, какъ они появились въ иностранныхъ газетахъ; здѣсь дается ихъ полный, дословный текстъ,

массой отправиться къ Зимнему дворцу. На собраніяхъ этихъ царило большое воодушевленіе. Вотъ ораторъ-рабочій чуть ли не въ 10-ый разъ читаетъ петицію передъ все смѣняющимися рядами слушателей (залъ собраній вмѣщаетъ до 700 человѣкъ и весь онъ биткомъ набитъ) и обращается все съ тѣми же вопросами: „смѣютъ ли полиція и солдаты не пустить насъ, товарищи?",—„Не смѣютъ!" гремятъ, въ отвѣтъ ему, 700 голосовъ. — „Товарищи!", продолжаетъ ораторъ, „лучше умереть намъ за наши требованія, чѣмъ жить такъ, какъ жили до сихъ поръ!"—„Умремъ!" несется въ отвѣтъ. — „Всѣ ли клянетесь умереть?"—„Клянемся!" —„Кто клянется, пусть подыметъ руку". Сотни рукъ дружно и стройно подымаются. — „Товарищи! а что тѣмъ, кто клянется умереть сегодня, а завтра струситъ и не пойдетъ съ нами?" — „Проклятіе!" гремитъ толпа.

Такъ русскій сермяжный людъ собирался идти къ своему царю съ послѣдней попыткой найти у него защиту и покровительство. Правда, уже давно русскій народъ сталъ сомнѣваться въ благожелательности къ нему со стороны русскаго царя, остававшагося всегда глухимъ къ его стонамъ и ходатайствамъ. „До бога высоко, до царя далеко", -говоритъ русская пословица. Но теперь петербургскимъ рабочимъ было до царя близко, и у нихъ зародилась рѣшимость въ послѣдній разъ *испытать царя*—выслушаетъ ли и поможетъ ли онъ „своему" народу?—чтобы послѣ этого знать разъ навсегда, безъ всякихъ колебаній—что о царѣ думать...

Уже наканунѣ рокового дня многими въ Петербургѣ овладѣло безпокойство. Въ городъ стянута была масса войскъ изъ Петергофа, Краснаго Села, Нарвы, Ревеля, Риги, Новгорода и др. мѣстъ. Цѣлые эскадроны расположились бивуаками у всѣхъ заставъ. Но арестовъ не было.

Настало воскресенье, 9-е января, великій историческій день Россіи. Всѣ жители Петербурга, проснувшись утромъ, стали замѣчать на улицахъ что-то не-

доброе. Городъ принялъ характеръ военнаго лагеря. По всѣмъ направленіямъ шли полки кавалеріи и пѣхоты, артиллерія, походные лазареты, кухни. Шла вся гвардія. Казаки конвоя „Его Величества" (красные) и атаманскіе (синіе). По направленію ко всѣмъ окраинамъ была отправлена не только кавалерія, но и пѣхота. Площадь Зимняго Дворца была окружена артиллерiей, кавалерiей и пѣхотой. На всѣхъ главныхъ перекресткахъ, на Лиговкѣ, на Дегтярной, на Сѣнной, на Михайловской и т. дал., были расположены войска. Всѣ мосты черезъ Неву были заняты войсками. Особенно много было ихъ у Троицкаго моста: и казаки, и уланы, и новгородскіе драгуны; тутъ же стояли гренадеры, да въ двухъ дворахъ устроены были засады. Изъ Петропавловской крѣпости на мостъ, соединяющій ее съ материкомъ, выкачены были 3 пушки. Даже самая крѣпость приведена была въ боевое состояніе: пушки заряжены, засовы и замки у воротъ и помѣщеній заранѣе замѣнены новыми, — начальство боялось, что народъ кинется въ арсеналъ добывать себѣ оружіе. Военными дѣйствіями распоряжался великій князь Владиміръ, но формально приказанія шли отъ князя С. И. Васильчикова. Конокъ никакихъ не было.

Въ Невскомъ районѣ къ 9-ти часамъ собралась огромная толпа народу. Улицы кишѣли рабочими. Ровно въ 9 часовъ толпа двинулась въ городъ, растянувшись версты па двѣ, не особенно густо. Пройдя версты полторы, она была встрѣчена заставой изъ 120 казаковъ. Часть была спѣшившись, часть сидѣла на коняхъ со сверкавшими на солнцѣ шашками. Толпа остановилась. Образовался плотный заторъ тысячъ изъ пяти. Остальные растянулись позади. Изъ толпы вышли рабочіе и начали просить офицера пропустить, на что тотъ отвѣтилъ: „никакъ нельзя, разойдитесь!" Не мало длились переговоры. Одинъ старикъ бросился на колѣни и сталъ раздирающимъ душу голосомъ просить солдатъ пропустить ихъ, не стрѣлять: указывалъ, что они сами были и будутъ рабочими. Когда ничто не по-

могло, онъ бросился къ толпѣ на колѣняхъ и призывалъ всѣхъ умереть, исполнить клятву. Одинъ моментъ запѣли даже „Коль славенъ", но это было прекращено во время. Разстояніе между народомъ и войсками было такъ незначительно, что, размахивая шашками, не двигаясь съ мѣста, казаки ранили 3 человѣкъ. Когда казалось, что вотъ, вотъ казаки бросятся, вся толпа легла на землю. Наконецъ, офицеръ велѣлъ стрѣлять и было дано три залпа. Всѣ упали, но никто не былъ раненъ. Очевидно, либо залпы были холостые, либо было роздано лишь немного боевыхъ патроновъ и солдаты стрѣляли вверхъ. Впечатлѣніе отъ залповъ получилось удручающее. Толпа не рѣшалась броситься впередъ, видя штыки и шашки и начала подаваться обратно. Многіе, особенно одинъ старикъ, негодующе кидались къ дрогнувшей толпѣ и гнали отставшихъ идти впередъ. Такъ продолжалось около часу. Можно было ожидать еще залповъ. Офицеръ, однако, своимъ правомъ не воспользовался и лишь стоялъ непоколебимо на томъ же мѣстѣ. Тогда рѣшено было идти окольными путями; многіе бросились впередъ на Неву и огромное большинство прошло въ городъ.

Но главное шествіе было черезъ Нарвскую заставу, гдѣ толпа рабочихъ двинулась къ Зимнему дворцу съ иконами, хоругвями, портретомъ царя, имѣя во главѣ своего излюбленнаго вождя, Гапона, въ священническомъ облаченіи и съ прошеніемъ въ рукахъ. Рабочіе шли со своими женами и дѣтьми.

Вся толпа была мирно настроена, не было вооруженныхъ. Можно было подумать, что къ царю шли съ крестнымъ ходомъ.

И вотъ тутъ-то сказалась со всею яркостію, со всею неопровержимою убѣдительностью, до какой степени ни къ чему не пригодно современное самодержавіе съ его верховнымъ представителемъ; до какой омерзительной степени лишено оно и человѣческаго смысла, и человѣческаго чувства; какъ оно позорно трусливо и подло-жестоко. Царь лично рѣши-

тельно ничѣмъ не рисковалъ, если бы вышелъ на балконъ Зимняго дворпа и, призвавъ къ себѣ представителей рабочихъ, лично переговорилъ съ ними. Въ толпѣ, какъ показали событія, вовсе не было никакого оружія. Но для трусливой душонки Николая II одна необходимость стать лицомъ къ лицу съ рабочимъ людомъ, имѣющимъ опредѣленныя желанія, оказалась до того страшною, что онъ позорно спрятался въ Царскомъ Селѣ, а на „свой народъ" — безоружный и заботливо старавшійся всячески облегчить ему выполненіе его обязанности,—на этотъ „свой народъ" онъ напустилъ свору своихъ, не знающихъ ни чести, ни совѣсти, ни жалости, собакъ. Гапону и рабочимъ загородили дорогу войска. Произошли тамъ, какъ и за Невской заставой, переговоры съ солдатами и офицеромъ, а затѣмъ пальба. Выступилъ одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, сказалъ рѣчь, и оба были убиты. Дано было всего 5 боевыхъ залповъ. Гапонъ упалъ, но не былъ даже раненъ и его унесли и спрятали.

Когда войска начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись!" Всѣ легли, за исключеніемъ хоругвеноспевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы... „Православіе разстрѣляли", говорила одна старуха.

Тоже самое происходило приблизительно во всѣхъ районахъ: стрѣляли въ толпу, шедшую съ Петербургской Стороны къ Троицкому мосту, гдѣ ихъ встрѣтили солдаты. Стрѣляли у Литейнаго моста и на Васильевскомъ Островѣ. Всюду, кромѣ Невскаго района, офицеры воспользоваяись своимъ правомъ стрѣлять боевыми патронами и всюду было много убитыхъ.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ оказалоеь довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика базпрепятственно собира-

лась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!“ Раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы, паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ оттуда собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжали солдаты, то раздавались крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье“! О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!“ По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете“... и т. п. въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Какъ царь съ нами, такъ и мы съ царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи... пускай теперь дожидается“...

Въ центрѣ города: на Дворцовой площади, у Сената, на протяженіи всего Невскаго, по Морской, ул. Гоголя, Мойкѣ, на Конюшенныхъ и въ другихъ мѣстахъ до самой ночи, все время раздавались ружейные залпы, послѣдствіемъ которыхъ явилась масса жертвъ. Нельзя не обратить вниманія на одно обстоятельство. Современныя пули называютъ гуманными, потому что онѣ убиваютъ только тогда, кога попадаютъ въ такіе жизненные органы, какъ мозгъ, сердце и т. п. Между тѣмъ, пули, употребленныя русскимъ правительствомъ противъ своего народа, дѣлали чудовищныя разрушенія;

даже входное отверстіе громадно, а выходное, разворачивающее весь черепъ и выбрасывающее мозгъ, производитъ прямо ужасающее впечатлѣніе. „Послѣ залпа на Дворцовой площади“, пишетъ одинъ очевидецъ, „мнѣ самому пришлось видѣть такія пораненія, что невольно являлось предположеніе, не была-ли употреблена въ дѣло картечь. Между тѣмъ, пушекъ на площади нигдѣ не было видно и, если они были, то были скрыты. Пушечныхъ выстрѣловъ тоже не было слышно.

Трупы послѣ бойни наваливались безъ всякаго счета на телѣги, запихивались въ какія то пустыя бочки и отправлялись неизвѣстно куда. Особенно много убитыхъ было въ такихъ мѣстахъ, гдѣ солдатамъ оказывалось какое нибудь сопротивленіе, какъ напр., *на баррикадахъ Васильевскаго Острова.* Однако и тамъ, гдѣ не только не было, но и не могло быть отпора, или вызывающихъ дѣйствій, кровопролитіе было страшное и притомъ истинно звѣрское. У Александровскаго сада и въ самомъ саду убито множество дѣтей. „По Гороховой“, разсказываетъ очевидецъ, „грудами везли ихъ, и почти у всѣхъ на личикахъ застывшая улыбка... Смерть для этихъ бѣдняжекъ была такъ неожиданна! Они и мысли не имѣли о возможности стрѣльбы! У Адмиралтейства, напримѣръ ,всѣ они изъ любопытства повыскакали впередъ... Все это казалось имъ страшно забавно, они взбирались на заборы, на деревья, и первые-же поплатились за довѣріе. Нашелся звѣрь фельдфебель, который, по окончаніи уже общей стрѣльбы, выпросилъ у офицера позволенія „снять мальчика съ дерева“... И снялъ!“ Далъ это разрѣшеніе капитанъ Преображенскаго полка Н. Н. Мансуровъ. Къ чести солдатъ надо сказать, что и между ними были *люди:* послѣ перваго залпа на Дворцовой площади тотъ-же Мансуровъ приказалъ осмотрѣть ружья и *восемь оказались неразряженными;* всѣ восемь солдатъ были тотчасъ-же арестованы. Полки Егерскій и Московскій не стрѣляли вовсе, *потому что офицеры ихъ не находили нужнымъ пускать въ дѣло оружіе*

Надо отмѣтить еще одну подлую черту въ кровавыхъ событiяхъ „Краснаго Воскресенья“: стремленiе свирѣпствовавшихъ войскъ не отдавать раненыхъ, изувѣченныхъ и убитыхъ сочувствовавшей публикѣ. „Эти звѣри“, пишетъ одинъ студентъ, участникъ событiй, бывшiй у Полицейскаго моста, „съ бою отнимали у всѣхъ и раненныхъ и, даже, тѣла убитыхъ, сами-же кучами развозили ихъ по участкамъ и только въ исключительныхъ случаяхъ доставляли въ больницы. Захватить кого нибудь, отвоевать — было очень трудно“. Этотъ самый студентъ, вмѣстѣ съ девятью другими товарищами, дѣятельно помогалъ жертвамъ бойни; и однако этой кучкѣ самоотверженныхъ молодыхъ людей удалось всего двоихъ изувѣченныхъ свезти въ Обуховскую больницу, да нѣсколькихъ раненныхъ, еще державшихся на ногахъ, передать товарищамъ—рабочимъ.

Безстрашiе рабочихъ, презрѣнiе ихъ къ смерти — поразительно. Разбѣгаясь въ разныя стороны при залпахъ, они вновь и вновь стекались на тѣ же мѣста для того, чтобы вылить накопившуюся злобу противъ солдатъ-братоубiйцъ и лишенныхъ всякаго чувства чести офицеровъ, приказывавшихъ стрѣлять въ толпу. На Морской народъ стоялъ группами, человѣкъ по 200-300-500, среди которыхъ было не мало интеллигентовъ. Посреди каждой такой толпы можно было замѣтить на тумбѣ оратора. Почти всѣ они были рабочiе; былъ и одинъ студентъ.

Интересное зрѣлище представлялъ собою *Васильевскiй Островъ*, гдѣ населенiе отличается вообще революцiоннымъ духомъ и стойкостью убѣжденiй. Представленiе депутатовъ на Дворцовй площади назначено было къ двумъ часамъ. Къ 12 часамъ Большой и Малый Проспекты, частью Среднiй съ линiями (улицами) Первой по Восьмую были полны народомъ. Недалеко отъ выхода на Дворцовый мостъ и на Николаевскiй мостъ были поставлены сильные отряды уланъ и казаковъ. Толпа безпрепятственно дошла до заставы и заявила, что она должна пройти, что „намъ назадъ ходу нѣтъ“,

„такъ ли или иначе подохнемъ“. Казаки стояли на разстоянiи какихъ нибудь 2-хъ саженъ отъ густой толпы. И вдругъ безъ предупрежденiя вскрикъ — команда „руби“ и конница стремглавъ врѣзывается въ живую стѣну и прорубаетъ и протаптываетъ въ ней широкую дорогу. Часть прорвавшихся рабочихъ встрѣчаетъ второй строй, а дворники и городовые добиваютъ ихъ въ узкихъ переулкахъ около университета, таможни и т. д. Это была изступленная, дикая бойня, въ которой, какъ и во всей экспедицiи, плѣнныхъ не полагалось. Оттѣсненная толпа начала отступать, не смотря на приглашенiе одиночекъ: „идемъ, товарищи, впередъ, не трусьте! Смотрите, я первый лягу за народъ“. И съ голыми руками люди дѣлали попытку снова пройти сквозь войско. Въ концѣ концовъ конечно — отступили. Отступили озлобленные, возмущенные. Тѣ, кто раньше хранилъ еще остатокъ вѣры въ царя, отступили, обманутые въ своихъ надеждахъ.

Надо было чѣмъ нибудь сопротивляться, надобно было хоть какое нибудь оружiе. Оно было добыто изъ желѣзныхъ лавокъ и оружейной фабрики Шаффа, изъ которой взяли нѣкоторое количество клинковъ безъ рукоятокъ, длиннѣйшихъ сабель и т. д. Оно добыто отнятiемъ сабель у проѣзжавшихъ по своимъ дѣламъ офицеровъ, у полицейскихъ. Но все это была капля въ морѣ и ни одного ружья или револьвера, такъ что, когда были устроены уличныя баррикады, ихъ, въ сущности, защищать было нечѣмъ.

Инстинктъ борьбы проявился однако ярко — главнымъ образомъ въ устройствѣ разныхъ загражденiй. Перерѣзанныя телеграфныя и телефонныя проволоки были протянуты поперекъ улицъ. На четвертой линiи были устроены баррикады, на которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. На баррикадѣ развивалось два красныхъ знамени, на одномъ изъ которыхъ надпись: „Долой самодержавiе! Да здравствуетъ соцiализмъ! П. С. Р.“ Тутъ же раздавались листки отъ Р. С. Д. Р. П.

Василеостровскихъ рабочихъ, какъ сказано, тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что численность и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться. Онъ скомандовалъ; толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи; толпа замерла; раздалось: „пли!“ и. . . . и ни одного выстрѣла! Во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли!“ и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они боялись, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели, а на ея мѣсто привели другую. (Отказались также стрѣлять нѣкоторые офицера Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: „поздравляемъ со славной побѣдой“. Говорятъ, части этого полка были взяты подъ арестъ; но не весь полкъ, конечно, такъ какъ часть его преисправно стрѣляла у Полицейскаго моста по командѣ графа Сиверса). Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ первыхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, тогда онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ; затѣмъ началась пальба, пока „непріятель“ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ т.й стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго; толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества.

Баррикады строились съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Хотя предвзятаго плана не было, а пришедшая каждому въ голову мысль сейчасъ же обсуждалась и приводилась въ исполненіе тутъ же, но постройка шла удивительно хорошо. Большая часть строительнаго матеріала для баррикадъ была взята со двора строющагося дома противъ „рабочаго собранія“: шкафы, лѣстницы, дрова, доски, кирпичи, сани, бочки — все это быстро стаскивалось на улицу и баррикады росли все выше

и выше, достигая роста человѣка. Такихъ баррикадъ во всю улицу было не менѣе восьми. Кто то предложилъ перерѣзать телефонныя проволоки, такъ какъ телефонъ служитъ незамѣнимымъ воспомогательнымъ средствомъ въ рукахъ правительства. Притащили лѣстницу, полѣзли не столбъ, и въ короткое время, подъ несмолкаемые возгласы снизу: „скорѣе, скорѣе!“ —всѣ проволоки были перерѣзаны, за свѣсившіеся концы ухватились и стали раскачивать столбы, но они долго не поддавались. Достали пилу и, перебивая одинъ у другого, принялись пилить. Столбъ рухнулъ —его уложили на баррикаду. Опрокидываніе телефонныхъ столбовъ очень нравилось и вдохновляло публику. Паденіе каждаго изъ нихъ привѣтствовалось громкимъ „ура!“ Столбы повалили не только на Четвертой линіи, но и на Маломъ проспектѣ и на Шестой линіи. Посовѣтовали было перерѣзать провода электрическаго освѣщенія, но находившіеся тутъ же электротехники убѣдили публику, что 200-вольтовый токъ можетъ надѣлать бѣдъ въ рядахъ самихъ протестантовъ.

Въ понедѣльникъ, 10 января, Петербургъ имѣлъ видъ города, только что завоеваннаго непріятелемъ. По улицамъ постоянно проѣзжаютъ патрули казаковъ. Тамъ и здѣсь видны возбужденныя группы рабочихъ, которыхъ перегоняютъ съ мѣста на мѣсто ударами шашекъ. Всю ночь разъѣзжали съ мусоромъ и засыпали кровь. Вечеромъ много улицъ погружено въ темноту. Электричества и газа нѣтъ. Аристократическіе дома охраняются отрядами дворниковъ. Горящіе газетные кіоски бросаютъ странное освѣщеніе на кучки народа. Дворцовая площадь — настоящій военный лагерь: костры, коновязи, вырвавшіяся, бѣгающія лошади, ружья въ козлахъ. На Невскомъ публика мрачно осматриваетъ расплывающіяся пятна крови на Мойкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ; на площадкѣ передъ Александровскимъ садомъ, точно на бойнѣ, осклизлыя пятна. Слышится — „ну, этого не запорошишь, это не забудется!“ Проѣзжаетъ много каретъ, повидимому, съ арестованными.

Сколько всего было погубдено народу въ Кровавое Восквесенье и два послѣдующіе дня — въ точности никогда не будетъ извѣстно. По тайнымъ полицейскимъ свѣдѣніямъ, попавшимъ въ руки честныхъ людей, которые и опубликовали ихъ, убитыхъ насчитывается 1216 человѣкъ. Но это, конечно, не полная цыфра, такъ какъ нѣкоторые трупы и тяжело раненные были подобраны друзьями, правительство же торопилось поскорѣе скрыть слѣды своего преступленія и ему было не до точнаго счета. Въ больницахъ запрещено было показывать всѣ трупы, а выставляли, для опознанія, только нѣкоторыя тѣла. Остальныя тщательно скрывались въ особыхъ тайникахъ. Въ ночь съ 10 на 11 января съ Николаевскаго вокзала отправлено три воинскихъ поѣзда, по восьми вагоновъ каждый, всѣ нагруженные трупами, спрятанными въ громадные ящики, въ каждомъ изъ которыхъ могло помѣщаться отъ 4 до 6 тѣлъ. Со стороны Колпина тоже подвозили трупы. Такъ что только на Преображенскомъ кладбищѣ надо считать сваленными въ братскую могилу не менѣе 1100 труповъ и это лишь въ одинъ день. Но хоронили также и въ другіе дни, тоже крадучись, и не на одномъ Преображенскомъ кладбищѣ. Много закопано на Успенскомъ; хоронили также на Митрофаньевскомъ и Смоленскомъ. Если когда либо Николаю II му вздумается помолиться объ утпокоеніи душъ, загубленныхъ имъ и его вѣрными собаками въ Кровавое Воскресень, то ему придется повторить слова Ивана Грознаго: „и иныхъ многихъ убіенныхъ, ихъ-же имена, ты, Господи, вѣси.“

Плодомъ царской победы надъ безоружнымъ народомъ было, какъ и слѣдовало ожидать, страшное озлобленіе рабочаго люда противъ царя и потеря вѣры въ него. Вотъ какъ выражено это настроеніе въ письмѣ священника Г. Гапона:

Родные, кровью спаянные товарищи рабочіе!

Мы мирно шли 9-го къ царю за правдой. Мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать вой-

ска, не мѣшать намъ идти къ нашему царю. Самому царю я послалъ 8-го письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣной собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все таки пролилась. Звѣрь-царь, его чиновники-казнокрады и грабители русскаго народа сознательно хотѣли быть и сдѣлались убійцами безоружныхъ нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей, Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскіе портреты, простреливали эти портреты и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю, всему его змѣиному царскому отродью, его министрамъ и всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли! Смерть имъ всѣмъ! Кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто хочетъ искренно помочь трудовому русскому народу свободно жить и дышать, на помощь. Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ), всѣхъ! Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, своихъ женъ и дѣтей, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія; не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить десять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады. Громите царскіе дворцы и палаты, уничтожайте ненавистную народу полицію.

Солдатамъ и офицерамъ, убившимъ своихъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа мое пастырское проклятіе!

Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться своей свободы, — благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику-царю, сознательно пролившему невинную народную кровь, не пожелавшему даже выслушать свой народъ, — ихъ солдатскую клятву разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои, не падайте духомъ. Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды. Неповинно пролитая кровь тому порукой.

Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собою и по всей Россіи это мое посланіе-завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ, если разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами, сотнями ты-

сячъ честныхъ рабочихъ, клятву. Боритесь, покуда не будетъ созвано Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю. Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Свящ. Георгій Гапонъ.

Петербургъ, 1905 г. 9-го января, 12 час. веч.

Воскресный день 9-го января былъ *воскресеніемъ* русскаго народа, не только узнавшаго, но и пристально разглядѣвшаго, наконецъ, своего истиннаго врага. Теперь не можетъ быть уже никакихъ колебаній. Русскій народъ, а съ нимъ и всѣ одинаково замученныя русскимъ царемъ націи и племена — финляндцы, поляки, евреи, грузины, латыши и т. д. — всѣ подымутся, какъ одинъ человѣкъ, чтобы свергнуть съ себя постыдное и тяжкое иго. И мы видимъ уже, какъ вслѣдъ за Питеромъ подымаются всѣ города "россійской имперіи", а за городами, безъ сомнѣнія, послѣдуютъ и деревни.

Всеобщая стачка рабочихъ разлилась, подобно пожару, по всему западу, югу и востоку русской земли. Начиная съ такихъ крупныхъ центровъ, какъ Москва, Вильно, Варшава, Лодзь, Рига, Минскъ, Кишиневъ, Могилевъ губ., Баку, Батумъ, Саратовъ и кончая Ковно, Полоцкомъ, Бобруйскомъ, Витебскомъ, Ревелемъ, Либавой, Кутаисомъ, Сухумъ-Кале, Двинскомъ, Гомелемъ, Самарой, далекимъ Томскомъ, еще болѣе далекими Читой, Иркутскомъ и другими, меньшими городами, — повсюду рабочій народъ заявилъ себя за одно со своими петербургскими братьями и сталъ готовиться къ послѣднему и рѣшительному бою. И близокъ уже день послѣдней, кровавой битвы, которая отвоюетъ русскому народу и его иноплеменнымъ братьямъ ихъ родную землю и волю.

**Рать подымается неисчислимая,
Сила въ ней скажется несокрушимая...**

ТРИ ПОСЛАНІЯ ОТЦА ГЕОРГІЯ ГАПОНА.

I

Письмо къ Николаю Романову, бывшему царю и настоящему душегубцу Россійской Имперіи.

Съ наивной вѣрой въ тебя, какъ въ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего же народа.

Ты долженъ былъ знать, ты зналъ это.

Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей-малолѣтокъ, навсегда легла между тобой, о душегубецъ, и русскимъ народомъ. Нравственной связи у тебя съ нимъ никогда уже быть не можетъ. Могучую же рѣку сковать во время ея разлива никакими полумѣрами, даже въ родѣ Земскаго Собора, ты уже не въ силахъ.

Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой надъ твоимъ отродьемъ и грабителями безправнаго люда, народное вооруженное возстаніе, — все это должно быть и будетъ непремѣнно. Море крови, какъ нигдѣ, прольется.

Изъ-за тебя, изъ-за твоего всего дома — Россія можетъ погибнуть. Разъ навсегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорѣй со всѣмъ своимъ домомъ отъ русскаго престола и отдай себя на судъ русскому народу. Пожалѣй дѣтей своихъ и Россійскія страны, о ты, предлагатель мира для другихъ народовъ, а для своего — кровопійца.

Иначе, вся имѣющая пролиться кровь на тебя да падетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ.

Георгій Гапонъ.

P. S. *Знай, что письмо это — оправдательный документъ грядущихъ революціонно-террористическихъ событій въ Россіи.*

Георгій Гапонъ

20/7 февраля 1905 г.

Письмо это въ подлинникѣ авторомъ отправлено царю.

II

ВОЗЗВАНІЕ

къ Петербургскимъ рабочимъ и ко всему россійокому пролетаріату.

Славные, незабвенные Путиловцы, и вы всѣ, милые, спаянные кровью товарищи-рабочіе г. Петербурга! Словно грозное море, вы всколыхнулись и съ рѣдкимъ единодушіемъ за свои права, за народную свободу возстали. На кровавомъ пиру вы героями явились. Вы безправную, бѣдную Русь къ новой жизни призвали. Брызги-ручьи крови вашей въ могучую революціонную волну обратились. Начало великой, настоящей революціи въ Россіи *вы* положили. Глаза всей Россіи, всего міра вы на себя обратили, герои, буревѣстники грознаго вооруженнаго возстанія народа. Именемъ свободы, счастья отечества и кровью вашихъ братьевъ, вашихъ женъ и дѣтей-малолѣтокъ *заклинаю васъ — не падайте духомъ.* Мужайтесь! На удочку и разныя заигрыванья, въ родѣ Земскаго Собора, убійцы-царя и его подлыхъ шакаловъ-министровъ, съ собачьей сворой чиновниковъ и капиталистовъ — не поддайтесь. Жизни и близкаго счастья родины на чечевичную похлебку лицемѣрныхъ уступокъ кровопійцы царя не промѣняйте. До конца славнымъ вождемъ россійскаго пролетаріата въ борьбѣ за угнетенный обездоленный народъ останьтесь. Данной мнѣ своей клятвы мести и свободы — не преступайте. Полнаго удовлетворенія требованій своей петиціи кровопійцѣ-царю во что бы то ни стало добейтесь — и тѣмъ своимъ братьямъ-героямъ, погибшимъ и пролившихъ свою кровь за васъ, вѣчный и нерукотворный памятникъ создайте.

Товарищи-рабочіе Петербурга и весь россійскій пролетаріатъ! *Хотите-ли вы близкой побѣды?* Такъ безъ различія партій, вѣры и національности, — объединитесь. Честной и

отзывчивой учащейся молодежи-студентамъ и всѣмъ друзьямъ-интеллигентамъ руку подайте. Людей дѣла на пользу народа привлекайте. Болтуновъ избѣгайте. *Пропагандой и подготовкой (организацией) вооруженнаго возстанія немедленно, не ожидая—сами займитесь.* Пусть голосъ вашъ, подобно грозному рокоту волнъ бушующаго моря, во всѣхъ концахъ этой вѣстью близкаго возстанія раздастся. Весь трудящійся людъ и всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ на месть, защиту и свободу пусть онъ, могучій, будитъ. Съ солдатами и казаками по возможности въ сношеніе и общеніе входите, на помощь себѣ и вамъ, ихнимъ братьямъ, зовите. — „Чѣмъ на поляхъ чужой, далекой Манчжуріи за убійцу-царя, голодая, сражаться, или своихъ отцовъ, матерей, сестеръ и братьевъ убивать здѣсь, въ Россіи, — лучше на улицахъ городовъ и деревень за свободу и счастье свою кровь проливать“ — имъ говорите. Шпіоновъ, провокаторовъ, убѣждающихъ идти на уступки, гоните, въ случаѣ предательства — убивайте. Святѣйшій Сѵнодъ, „Божіею милостью“ смиренно-наглыхъ лгуновъ митрополитовъ и епископовъ, прислуживающихъ убійцамъ, казнокрадамъ и грабителямъ русскаго народа, клевещущихъ и проклинающихъ меня и вашихъ братьевъ, что проливаютъ кровь за народную свободу—презирайте. Поповъ, умѣющихъ только обирать народъ, а не служить ему, — замазывающихъ только небесной паутиной ваши земныя язвы—не слушайте.

Организаціей боевыхъ рабочихъ дружинъ сами займитесь. Кто со смѣлымъ сердцемъ и мужественной душой — иниціаторомъ и атаманомъ да будетъ. Чтобы вооружиться, фондъ мести и свободы по городамъ и районамъ создавайте. Планъ своей мѣстности изучайте. Владѣть оружіемъ учитесь. Негодяевъ, виновныхъ въ пролитіи крови вашихъ братьевъ, по возможности не смущаясь, уничтожайте. Самое главное — проклятому правительству, этой шайкѣ разбойниковъ и грабителей народныхъ, опомниться не давайте. Для этого: министровъ, градоначальниковъ, губернаторовъ, исправниковъ, городовыхъ, полицейскихъ стражниковъ, жандармовъ, генераловъ и офицеровъ, приказывающихъ въ васъ стрѣлять — убивайте. Вооруженныхъ демонстрацій, мѣстныхъ возстаній, стачекъ

также не забывайте. Всѣ мѣры къ тому, чтобы настоящее оружіе и динамитъ въ большомъ количествѣ во время у васъ были — знайте — что приняты. По указанію боевого комитета мести, защиты и свободы народной, какъ одинъ человѣкъ, по всему лицу земли русской — возстаньте. Жизнь городовъ немедленно тогда пріостанавливайте. Для этого: водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграфы, освѣщеніе, конки, трамваи, желѣзныя дороги — уничтожайте. Полицейскіе участки, дворцы и палаты, градоначальства, правительственныя учрежденія — разрушайте. Узниковъ освобождайте, тюрьмы царскія разрушайте. Частныхъ жилищъ и лицъ только не трогайте.

Общій боевой планъ возстанія у комитета вашего, мстителя и защитника, какъ можно скорѣе выработанъ будетъ. Сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство; немедленное освобожденіе всѣхъ борцовъ за политическія и религіозныя убѣжденія, немедленное вооруженіе всего народа и немедленный созывъ Учредительнаго Собранія (съ непремѣннымъ участіемъ представителей отъ рабочихъ) на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права — ближайшая цѣль вооруженнаго возстанія.

Товарищи-рабочіе всей Россіи! Сердцемъ, душой и кровью меня съ вами судьба связала. Съ мѣста, покрытаго трупами, политого кровью, противъ моей воли вырвала. На отмщеніе за васъ и на горячую работу въ пользу вашу меня сохранила. Духомъ — а когда наступитъ время, и тѣломъ — я всегда съ вами. Горе ваше — мое горе. Счастье ваше — мое счастье. Вѣрьте же мнѣ — *близокъ часъ побѣды!* Часъ полнаго отмщенія за все угнетеніе и униженіе наступаетъ. Больше — онъ уже наступилъ. Месть надъ змѣинымъ царскимъ отродьемъ (великій князь Сергѣй) героями соціалистами-революціонерами совершилась и неуклонно, усиливаясь, совершаться будетъ. Не посрами же себя, весь трудящійся, рабочій людъ! Къ дѣлу же, русскій угнетенный, трудовый, несчастный народъ — рабочіе, крестьяне, горожане — всѣ! Терять нечего, хуже уже быть не можетъ, а пріобрѣсти все можешь! Возврата нѣтъ. Свобода во что бы

то ни стало! Впередъ же, въ бой, товарищи-герои! Разобьемъ свои оковы рабства! Разорвемъ паутину, въ которой бьется готовый умереть безправный русскій народъ! Раздавимъ внутреннихъ кровожадныхъ пауковъ нашей дорогой родины (внѣшніе же не страшны намъ). Разобьемъ правительственный насосъ, выкачивающій послѣднія капли крови нашей. Возвратимъ мать-сыру-землю обнищавшему народу.

Впередъ, впередъ, товарищи-герои! Слава и настоящая жизнь ждутъ васъ, лавровымъ вѣнкомъ васъ вѣнчаетъ вся Россія, весь міръ.

Георгій Гапонъ.

P. S. Переписывайте, перепечатывайте, распространяйте между собой и по всей Россіи.

20/7 февраля 1905 г.

III

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИМЪ ПАРТІЯМЪ РОССІИ.

Кровавые январскіе дни въ Петербургѣ и въ остальной Россіи поставили лицемъ къ лицу угнетенный рабочій классъ и самодержавный режимъ съ кровопійцей-царемъ во главѣ. Великая русская революція началась. Всѣмъ, кому дѣйствительно дорога народная свобода, необходимо побѣдить или умереть. Въ сознаніи важности переживаемаго историческаго момента, при настоящемъ положеніи вещей, будучи, прежде всего, революціонеромъ и человѣкомъ дѣла, я призываю всѣ соціалистическія партіи Россіи, немедленно войти въ соглашеніе между собой и приступить къ дѣлу вооруженнаго возстанія противъ царизма. Всѣ силы каждой партіи должны быть мобилизованы. Боевой техническій планъ долженъ быть у всѣхъ общій. Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой,— все, что можетъ содѣйствовать народному возстанію. Ближайшая цѣль—сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство, которое немедленно провозглашаетъ амнистію всѣмъ борцамъ за политическую и религіозную свободу—немедленно вооружаетъ народъ и немедленно созываетъ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. Къ дѣлу,

товарищи! Впередъ, на бой! Повторимъ же лозунгъ петербургскихъ рабочихъ 9-го января—свобода или смерть! Теперь всякая проволочка и неурядицы—преступленіе передъ народомъ, интересы котораго вы защищаете. Отдавъ всѣ свои силы на службу народу, изъ нѣдръ котораго я самъ вышелъ (сынъ крестьянина), — безповоротно связавъ свою судьбу съ борьбой противъ угнетателей и эксплуататоровъ рабочаго класса, я, естественно, всѣмъ сердцемъ и всей душой буду съ тѣми, кто займется настоящимъ дѣломъ настоящаго освобожденія пролетаріата и всей трудящейся массы отъ капиталистическаго гнета и политическаго рабства.

Георгій Гапонъ.

ПРИЗЫВНАЯ ПѢСНЯ.

Эй вы, русскіе люди рабочіе,
До правдиваго слова охочіе,
Деревенскіе люди, фабричные,
Голодать да работать привычные!
Эй, послушайте пѣсенку новую,
Невеселую пѣсню, суровую,
Изъ народной изъ крови рожденную,
Пѣсню злую про муку бездонную,
Пѣсню, скорбью великой согрѣтую
Да мятелями зимними пѣтую.

I

Ой ты гой еси, сердце народное!
Тяжко горе твое неисходное!
Все истерзано ты, окровавлено,
Словно камнемъ, кручиной придавлено!

Ой ты, кровь, ты народная, жгучая,
Знать, на диво вкусна ты, горючая:
Пьютъ, да пьютъ тебя царь да богатые,
Все-то пьютъ, не напьются, проклятые!

Ой вы, руки мужицкія, сильныя!
Вы берите лопаты могильныя,
Хороните вы разомъ въ могилушку
Трудовую крестьянскую силушку!

Хороните вы силу народную:
Все едино, вѣдь, въ землю холодную
Вся по каплѣ источится съ младости
Вся погибнетъ безъ пользы, безъ радости.

Что же медлите, руки покорныя?
Или слаще вамъ цѣпи позорныя?
Иль вамъ лучше изсохнуть по малости,
Или ждете отколь-нибудь жалости?

Или есть еще въ сердцѣ терпѣніе?
Иль еще не велико мученіе?
Иль нахлынули думушки черныя?...
Что же медлите, руки покорныя?

Или новая сила удалая
Разыгралась въ крови, небывалая,
Разыгралась да къ сердцу прихлынула
Да отъ сердца терпѣнье откинула?

II

Ой вы, руки народныя, сильныя!
Вы берите цѣпы молотильные,
Обмахните вы слезы соленыя,
Отбивайте вы косы каленыя!

Топоры навостряйте тяжелые,
Все обладьте подъ пѣсни веселыя!
Постарайтесь, возмите заботушки:
Будетъ скоро вамъ много работушки.

Будетъ скоро вамъ жатва богатая!
Ой, держись ты, вся нечисть проклятая,
Свора жадная, сытая, барская,
Да порода змѣиная царская!

Погоди-жь ты, гнѣздо подколодное!
Вотъ встаетъ оно, войско народное!
Не спасутъ тебя пули свинцовыя,
Не укроютъ и стѣны дворцовыя!

Ой, держитесь, министры, правители,
Палачи, кровопійцы, мучители!
Челядь царская, сволочь приспѣшная,
Жадныхъ коршуновъ стая кромѣшная!

Е. С.

Честь дороже денегъ.

Разстрѣлявши въ Петербургѣ безоружный народъ, царь съ царицей вздумали откупиться отъ отвѣтственности за это преступленіе, выкинувъ пятьдесятъ тысячъ рублей въ помощь семьямъ убитыхъ. Но рабочіе погнушались этими деньгами крови.

Кромѣ царскихъ денегъ, которыми распоряжается Треповъ, пособія выдаются еще Союзомъ Инженеровъ и Петербургской Думой. И вотъ, къ серединѣ марта (ст. стиля) подано было прошеній о пособіяхъ: въ Союзъ Инженеровъ — 1650; въ Думу — 830; а Трепову — *всего семь!!*

(Мы не упоминаемъ о помощи, идущей черезъ соціалистическія и революціонныя партіи, потому что для этой помощи прошеній не требуется).

ПАМЯТИ С. В. БАЛМАШЕВА.

Отчизна! Ты спала, когда во тьмѣ глубокой
Слетѣлось злое воронье...
Заклеванъ былъ твой сынъ, погибло одиноко
Дитя прекрасное твое...
Въ пустынѣ мертвенной, въ глухомъ туманѣ ночи,
Могильнымъ крикомъ славя тьму,
Они терзали трупъ, и выклевали очи,
И сердце вырвали ему.
Враги натѣшились жестокою забавой...
И въ этотъ часъ не встала ты!
Былъ крѣпокъ страшный сонъ... Но грезою кровавой
Смутились сонныя мечты.
Минула ночь, и день весенній, животворный
Въ потокѣ свѣта и тепла
Пришелъ... Проснулась ты съ неясной думой черной—
И — сына рядомъ не нашла.
И встала ты въ красѣ и мощи исполинской...
Воспалены, безъ слезъ глаза...
Но мести яростной, безумной, материнской

Въ нихъ блещетъ скрытая гроза.
Недолго ждать... Ужъ слышенъ первый рокотъ,
Ужъ слышенъ бури дальній вой!
И злое воронье дрожитъ, заслышавъ клекотъ
Орловъ, парящихъ надъ землей.

Е. С.

10 января 1905 г.

РАЗРУШЕННЫЙ МОЛЪ.

(Фантазія).

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханьемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, покрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца,—когда-то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ — огромный и черный.

И волны морскія — могучія, вольныя волны — встрѣчались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу, — и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія, вольныя волны, пока не сломила ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудомъ блестятъ серебрянныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной пучиною моря, пѣснь о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

* * *

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря-мать ихъ баюкала пѣсней и въ весельи без-

печномъ катились онѣ въ туманную даль.... Но мрачный и злобный тиранъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ, чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездной морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись...

Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки, рабы принялись за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставали земли и въ пучину морскую бросали.

И море взыгралось.

Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно упадаютъ; скачутъ, рѣзвятся, хохочутъ, угрюмыя скалы ласкаютъ.

Шепчутся волны: „то-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурые гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!“

Весело юнымъ волнамъ.

Буря, лишь, мать, да отецъ-ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ; падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутилися волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые ихъ скована воля....

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью—со стономъ отхлынули прочь.... Стѣна холодна, неприступна...

Вздрогнуло море...

Мчатся угрюмыя волны. „Измѣна, измѣна!“ кричатъ. „Мы ихъ, какъ друзей, принимали. Свободу, свободу украли у насъ!“

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-ураганъ.

„О скалы, о грозныя скалы! Когда-то и вы свобод-

ными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?“

Нахмурялись грозныя скалы. „Не наша въ томъ воля....“ – такъ мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся; зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны сзываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

„О волны! о бѣдныя волны! Погибла, погибла свобода! Отнынѣ рабами мы стали...“

И мрачно умчалися прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли; не будитъ ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ... И юныя волны угрюмо катятся, — не слышно ни смѣха, ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце тускло такъ свѣтитъ надъ ними, и небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ...

Лишь юныя волны порой, истомившись въ суровой неволѣ, отважною ратью сбирались, однѣ на врага ополчались...

Грудью, сомкнувшись, ударятъ объ острыя скалы — тщетно! нѣмыя громады не дрогнутъ... Гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздается — то стонутъ разбитыя груди отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали,—все мрачнѣй и мрачнѣй становилось вокругъ...

Смирилися волны, утихли... „Будемъ ждать, будемъ силъ набирать...“

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны, гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали, спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ старымъ волнамъ—старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ,

„Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва.... Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами спорить!“

Бросились волны гонцы родимыхъ искать, — матушку бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по морю — нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

„Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вамъ мы гонцами пришли.

„Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное море летите!

„Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали!

„Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

„Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

„Не страшна намъ борьба и смерть не страшна.... Лишь было бы море свободно!“

Трепетно сердце забилось у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили—добрые, старые годы.

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ущелій въ безбрежное синее море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

„Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

„Вставайте могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушьте преграды!“

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой, онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ. Черныя тучи нависли кругомъ, какъ впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны

сбирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась,—ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать.

„Впередъ, могучія волны! Смерть иль свобода!“ Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы..,. близко ужъ волны.... Несутся быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы—замертво пали.

Брызги пѣны, горячей, какъ кровь, высоко надъ небомъ взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать-буря... „Дѣти, родныя дѣти! Ужъ первыя пали, много еще васъ падетъ, но сломимъ силу врага!“

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянутъ назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало — сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнутъ, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ; всѣ волны въ одну собирались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Вздрогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хоть частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ, слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья!

Какъ могучія львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись! Разсыпались бѣлыя кудри.... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подъ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется новая рать...

Чуютъ кругомъ: или свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ.

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно ударила въ стѣну—дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ.

Замерли волны. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова.... Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ подались и съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

„Прочь, позорные трупы!“ Скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

„Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежатъ!“

Разверзлось дно моря и въ мрачную бездну въ проклятіемъ скалы упали.... „Наша-ль вина?... Волнамъ — слава, намъ—вѣчный позоръ за позорное дѣло“...

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ—свобода!

Г. Гершуни.

АВТОРЪ „РАЗРУШЕННАГО МОЛА."

Когда впервые передъ читателемъ появилась эта коротенькая, но сильная „фантазія", молва приписала ее перу Максима Горькаго. Но это была ошибка. Дѣйствительный авторъ ея Григорій Андреевичъ Гершуни. Въ то время онъ еще не могъ быть извѣстенъ широкимъ кругамъ.

Но въ февралѣ 1904 г. его имя вдругъ облетѣло всю Россію, и передъ взоромъ мало-мальски чувствующихъ людей возсталъ прекрасный образъ борца за великое дѣло свободы и справедливости.

18-го февраля 1904 г. онъ выступилъ въ качествѣ обвиняемаго передъ С-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ Судомъ. Это былъ процессъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Гершуни обвиняли въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Боевой Организаціи и руководилъ дѣломъ убійства министра Сипягина, уфимскаго губернатора Богдановича и покушенія на жизнь харьковскаго губернатора Оболенскаго. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, и видѣть и слышать Гершуни могли только немногіе избранники жандармовъ и полиціи, допущенные въ залъ засѣданія. Но не смотря на „закрытыя двери" имя Гершуни послѣ этихъ дней стало широко передаваться изъ устъ въ уста. Онъ заставилъ невольно преклониться передъ собой даже одеревѣнѣлыхъ судей и тюремщиковъ, которые съ удивленіемъ смотрѣли на этого необыкновеннаго человѣка, возбудившаго въ нихъ невольноо чувство уваженія. Одинъ изъ „судей" сказалъ громко послѣ „суда": „да, вотъ это, дѣйствительно, человѣкъ".

Прежде, чѣмъ сдѣлаться революціонеромъ, Гершуни занимался легальной дѣятельностью. Онъ считалъ главной цѣлью своей жизни — служить народу. Онъ вѣрилъ въ народъ, любилъ его и хотѣлъ посвятить ему всѣ свои силы. Онъ говорилъ: „Я вѣрю: великія дѣла

правды и справедливости совершитъ этотъ народъ". И Гершуни занялся просвѣщеніемъ народа: устраивалъ народныя чтенія, работалъ въ школахъ — стараясь не выходить изъ круга дозволеннаго русскими законами. Но чѣмъ глубже онъ входилъ въ дѣло, чѣмъ больше онъ сталкивался съ народными нуждами, тѣмъ ему яснѣе рисовалась картина русской жизни: онъ видѣлъ, что народъ голодаетъ, мретъ отъ болѣзней, живетъ въ тѣснотѣ, грязи и бѣдности, несмотря на то, что работаетъ съ ранняго утра до поздняго вечера, а правительство не только не идетъ ему на помощь, но закрываетъ всѣ пути дѣятельности передъ людьми, желающими помочь народу. Оно не позволяетъ въ школахъ учить дальше азбуки, и народу нельзя даже разсказать о причинахъ его бѣдствій, потому что это не выгодно правительству. Ему нужно держать народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ и, пользуясь этимъ, выжимать изъ него всѣ соки. Правительство знаетъ, что если народъ пойметъ положеніе дѣлъ, то захочетъ освободится отъ гнета и безправія и тогда не сдобровать ему. Гершуни увидѣлъ еще, что въ Россіи нѣтъ закона, что тутъ судьба 130 милліоновъ русскихъ людей въ рукахъ небольшой, но отлично спѣвшейся кучки людей, которые думаютъ только о своей выгодѣ и вершатъ всѣ дѣла въ тайнѣ канцелярій. Правду не допускаютъ до народа, правду гонятъ и преслѣдуютъ. Правда должна скрываться, дѣйствовать тайкомъ противъ воли начальства, противъ издаваемыхъ имъ законовъ. Русскіе законы только прикрываютъ несправедливости и насилія надъ народомъ. И вопіющая несправедливость всего этого выяснялась ему больше и больше; съ каждымъ днемъ онъ все сильнѣе чувствовалъ, что надо выбирать между правдой и покорностью правительству. Правительство не пускало къ народу его истинныхъ друзей, которые хотѣли ему помочь въ его несчастіи, научить его, какъ избавиться отъ бѣды. Гершуни не могъ итти противъ своей совѣсти, и у него начались столкновенія съ начальствомъ. Ему осталось

теперь одно, что онъ и сдѣлалъ. Онъ рѣшилъ помочь народу въ тайнѣ отъ правительства, чтобы оно ему не мѣшало. Съ этой цѣлью онъ оставилъ свое прежнее дѣло, скрылся съ родины, перемѣнилъ фамилію, поступилъ въ партію Соціалистовъ-Революціонеровъ и сталъ дѣйствовать прямо противъ правительства. Съ этой минуты начинается его революціонная дѣятельность. Но вначалѣ и революціонная дѣятельность представлялась ему, какъ дѣятельность исключительно мирная. Онъ видѣлъ ясно, что для того, чтобы народъ вышелъ изъ тьмы и бѣдности — нужно, чтобъ онъ сталъ развитѣе, чтобъ онъ имѣлъ больше правъ, больше земли, чтобъ самъ вершилъ свои дѣла и не работалъ за безцѣнокъ на фабрикахъ дни и ночи. Народу нужно созвать Земскій Соборъ (иначе говоря — Представительное Собраніе) изъ представителей всѣхъ людей русскихъ, свободно избранныхъ народомъ для установленія порядка на Руси. И всему этому Гершуни со своими новыми друзьями училъ народъ словомъ и дѣломъ. Въ другихъ странахъ такая дѣятельность не запрещается законами и еслибъ Гершуни жилъ не въ Россіи, то ему можно было бы свободно и открыто высказывать то, за что въ Россіи грозитъ тюрьма, Сибирь, ссылка и только поэтому ею приходилось заниматься тайно, наперекоръ правительству, иначе сказать—революціонно. Отдавшись всей душой и до конца своему дѣлу, Гершуни однако скоро увидѣлъ, что на этомъ остановиться нельзя. Всѣ, кто не могъ терпѣть притѣсненій, боролись сколько хватало силъ, а правительство ни передъ чѣмъ не останавливалось, чтобъ только задавить пробужденное народное сознаніе.

Оно разсылало за самыя пустяшныя дѣла на далекія окраины Сибири, бросало въ тюрьмы, безчеловѣчно избивало на улицахъ, въ кутузкахъ, сѣкло крестьянъ, когда доведенные до отчаянія, они вставали наконецъ на свою защиту. Съ такимъ звѣремъ-правительствомъ уже нельзя было ни о чемъ разговаривать, осталось одно: защищаться, хотя бы даже и пулями т. е. при-

бѣгнуть къ террору, и на насиліе отвѣтить силой. Честные люди не могли больше сносить этихъ надругательствъ и спокойно ждать, пока наконецъ весь народъ пойметъ, что отъ него одного зависитъ избавить Россію отъ всѣхъ ужасовъ. Чѣмъ сильнѣе жало правительство, тѣмъ сильнѣй приходилось бороться съ нимъ. И вотъ раздались выстрѣлы въ царскихъ слугъ. Одинъ за другимъ падаютъ сраженные министры. Долго революціонеры не хотѣли доходить до этой крайней мѣры, но они увидѣли, что сейчасъ это необходимая вещь, что спускать нельзя, Нужно было, чтобы правительство узнало, что оно не можетъ безнаказанно совершать всѣ свои злодѣянія, что злодѣевъ нужно наказывать, хотябы они были и министры, что если царь этого не дѣлаетъ, если онъ за одно со своими вѣрными слугами, что есть люди, которые не допустятъ этого и сами накажутъ злодѣевъ за ихъ дѣла. Свои удары революціонеры направляли на самыхъ опасныхъ враговъ народа, на тѣхъ изъ царскихъ слугъ, которые имѣли въ то время больше силы и больше другихъ издѣвались надъ рабочими людьми, будучи новыми устроителями звѣрствъ, совершаемыхъ надъ народомъ. Этими убійствами русскіе люди показали, что у нихъ есть много разныхъ средствъ и способовъ защитить себя отъ издѣвательства. Само правительство своими звѣрствами заставило революціонеровъ взяться за оружіе. Все это понялъ и Гершуни, и изъ мирнаго дѣятеля, онъ постепенно сдѣлался террористомъ. Все это онъ разсказалъ въ своей рѣчи на судѣ и прибавилъ: „Въ дѣятельности своей я руководствовался только сознаніемъ своего долга и интересами трудового народа, и долгъ свой передъ нимъ я считаю честно выполненнымъ, ни въ чемъ себя не упрекаю и вѣрю, что и онъ, понявъ, не упрекнетъ меня“. А вотъ судьи (сказалъ онъ) должны будутъ отвѣтить народу, за что такіе люди, которые жертвуютъ своей жизнью за благо народа, находятся въ тюрьмахъ, въ Сибири, въ ссылкѣ, на каторгѣ и посылаются на висѣлицу. Онъ закончилъ свою

рѣчь такъ: „Я знаю, что дорога отсюда ведетъ прямо на висѣлицу и ни о какомъ снисхожденіи я у васъ не прошу“. За все это Гершуни осудили и приговорили къ смертной казни.

Приговоръ о смертной казни Гершуни принялъ съ тѣмъ-же стальнымъ спокойствіемъ и въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ товарищамъ писалъ, что его „жизнь сложилась счастливо“ и что ему „не въ чемъ упрекнуть судьбу“. Весь онъ вылился въ этомъ письмѣ къ товарищамъ: „Я не думалъ что умирать такъ легко“, пишетъ онъ по выслушаніи смертнаго приговора.

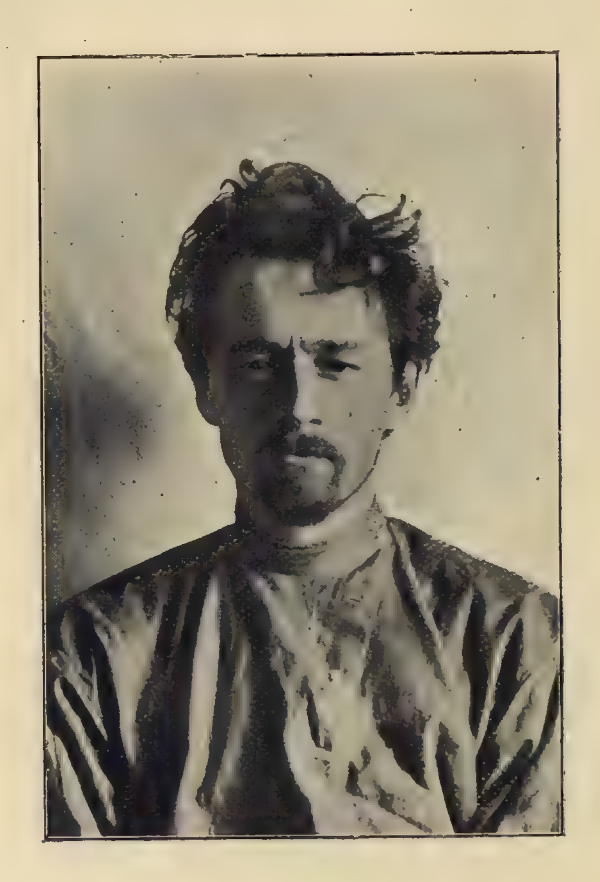
Да, легко умирать тому, кто жилъ полной жизнью, отдаваясь весь безъ остатка своему великому дѣлу и вѣря, что смерть его приблизитъ часъ великаго избавленія всего обездоленнаго трудового народа. Ему легко умирать и потому, что онъ не одинъ, что на полѣ битвы осталось много борцовъ, которые не отступятъ передъ врагомъ, которые готовы пасть мертвыми, а на смѣну имъ идутъ все новыя и новыя народныя полчища. „Въ наше время легче умирать, мы дышемъ одной грудью съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ“, говоритъ Гершуни въ томъ же письмѣ; „великія дѣла правды и справедливости совершитъ этотъ народъ“, послѣ побѣды.

Гершуни не былъ казненъ. Вмѣсто смертной казни его заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость на многолѣтнюю муку. Тяжка эта мука, но велика будетъ жатва, которой она послужитъ сѣменемъ.

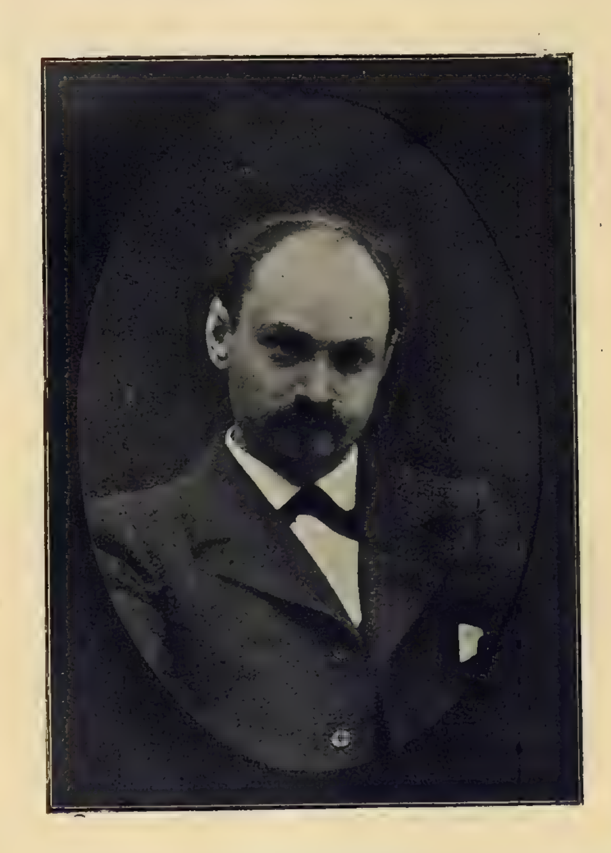
Работая въ партіи Соц.-Револ., Гершуни былъ не простымъ ея рядовымъ членомъ. Обладая сильнымъ умомъ, глубокимъ чувствомъ и стальнымъ характеромъ, онъ отдалъ всѣ свои лучшія качества на служеніе дѣлу революціи. Здѣсь Гершуни былъ на своемъ мѣстѣ: это огромное, разнообразное дѣло давало исходъ его разносторонне-одаренной натурѣ. Онъ въ каждый данный моментъ ясно понималъ настоящее положеніе дѣлъ, схватывалъ его въ цѣломъ и строилъ обширные планы дѣйствія, не забывая при этомъ и каж-

дой частной мелочи. Но этого мало; въ каждое дѣло онъ влагалъ не только всѣ силы своего ума,—дѣлая свое дѣло съ любовью, онъ сообщалъ ему душу живую. Самое дѣло въ его рукахъ оживлялось, становилось ярче, красивѣй. Онъ украшалъ его своимъ воображеніемъ и этимъ смягчалъ отчасти трудности жестокой борьбы. Сильная стальная воля помогала ему стойко переносить всѣ тягости суровой жизни борца, лишеннаго всего того, что такъ смягчаетъ неприглядную дѣйствительность. Лучшей наградой, лучшимъ утѣшеніемъ для него былъ успѣхъ дѣла, въ которое онъ увѣрилъ всей душой. Умѣя излагать свои мысли и чувства на бумагѣ съ такойже силой, какую онъ вкладывалъ и въ практическое дѣло, онъ и этотъ свой талантъ посвятилъ дѣлу революціи. Кромѣ помѣщеннаго здѣсь „Разрушеннаго Мола“ Гершуни еще написалъ нѣсколько прокламацій и статей. Изъ послѣднихъ упомянемъ: „Знаменательная годовщина“ (о Карповичѣ въ „Революціонной Россіи“ № 4). „Гиршъ Леккертъ“ (о выстрѣлѣ въ фонъ-Валя въ „Рев. Рос,“ № 7). „Изъ партійной дѣятельности“ (о дѣлѣ Балмашева въ „Р. Р.“ № 11). „Реформа Ванновскаго“, „Рабочее движеніе и жандармская политика“, и много другихъ замѣтокъ, сообщеній, корреспонденцій, прокламацій и интересныхъ писемъ, которыя не всѣ были опубликованы.

Видя передъ собою образы людей въ родѣ Григорія Андреевича, зная объ ихъ благородныхъ, полныхъ жизни и мощи дѣлахъ, легче жить и дышать, легче бороться и умирать, и все больше и больше вѣрится, что не далекъ уже часъ побѣды подъ Краснымъ Знаменемъ всеобщаго обновленія. Пойдемъ же смѣлѣе за ними, товарищи! и не обманемъ ихъ ожиданія! Но, какъ „могучія волны“ морскія, „съ воинственнымъ кличемъ: смерть иль свобода!“—понесемся на „холодныя, хмурыя скалы“ и разрушимъ до основанія надтреснутый молъ самодержавія и капитализма, преграждающій путь къ свѣту и свободѣ! Смѣлѣе, товарищи!

Е. САЗОНОВЪ.

Г. ГЕРШУНИ.

Е. С. САЗОНОВЪ

Неочастенъ и жалокъ тотъ народъ, который не чтитъ своихъ героевъ, положившихъ жизнь или рисковавшихъ ею ради того, чтобы избавить свою родину отъ угнетателей и народныхъ враговъ. Ужъ на что Швейцарія маленькая и мирная страна, а и та гордится своимъ Вильгельмомъ Телллемъ, который, по словамъ народнаго преданія, въ 1037 году убилъ притѣснителя швейцарскаго народа, императорскаго намѣстника Гесслера, чѣмъ, можно сказать, подалъ сигналъ къ народному возстанію противъ угнетателей, окончившемуся освобожденіемъ швейцарцевъ. Вильгельму Теллю поставленъ въ Швейцаріи памятникъ и во всѣхъ швейцарскихъ школахъ учатъ ребятъ почитать его память, какъ память народнаго героя.

У русскаго народа есть не одинъ, а нѣсколько Вильгельмовъ Теллей. Довольно упомянуть о Степанѣ Валерьяновичѣ Балмашевѣ, застрѣлившемъ министра вн. дѣлъ Сипягина, который, кромѣ множества иныхъ злодѣйствъ противъ народа, имѣлъ безсердечіе не допустить добрыхъ людей, желавшихъ доставить пищу и помощь голодавшимъ крестьянамъ, до этихъ несчастныхъ, буквально пухнувшихъ съ голоду; или Егора Сергѣевича Сазонова, избавившаго родину отъ всероссійскаго палача, министра фонъ-Плеве, въ карету котораго онъ бросилъ 15-го іюля 1904 года бомбу.

Пока русскій народъ все еще находится въ когтяхъ злодѣевъ, подобныхъ Сипягину и Плеве, онъ не можетъ поставить памятника этимъ своимъ печальникамъ и героямъ, «положившимъ животъ свой за други своя». Но онъ можетъ чтить ихъ въ сердцѣ своемъ, а для этого долженъ хоть что нибудь знать о нихъ. О Степанѣ Валерьяновичѣ Балмашевѣ напечатана цѣлая особая книжечка. Здѣсь же разскажемъ о Егорѣ Сергѣевичѣ Сазоновѣ, который, за свой геройскій поступокъ, присужденъ къ вѣчной каторгѣ и заключенъ въ Шлиссельбургскую Крѣпость, гдѣ жестокіе царскіе палачи убиваютъ его медленною, мучительною смертью.

Егоръ Сегѣевичъ Сазоновъ происходитъ изъ купеческой семьи. Родители его были люди строгіе, богобоязненные и въ такомъ же духѣ воспитывали и сы-

на. Въ гимназіи онъ началъ понемногу интересоваться чтеніемъ и готовился сдѣлаться земскимъ докторомъ, чтобъ лечить бѣдныхъ людей. Окончивши гимназію, онъ поступилъ въ Московскій Университетъ. Первые годы своей жизни тамъ онъ держался вдали отъ общественной жизни и студенческихъ волненій. Но мало-по-малу ему пришлось столкнуться съ тѣмъ, какъ идетъ университетская жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ узнавать и вообще, что дѣлается на Руси. Ему пришлось увидѣть, какъ правительство отдавало лучшихъ студентовъ въ солдаты за то только, что они не хотѣли покорно подчиниться насиліямъ. Онъ увидѣлъ, какъ полиція и шпіоны безцеремонно забирались въ университетъ и хозяйничали тамъ. Это его возмутило. Онъ сталъ присматриваться къ окружающей жизни и задумываться надъ ней. Тамъ же онъ увидѣлъ, что человѣкъ не имѣетъ права даже думать такъ, какъ онъ хочетъ; напримѣръ, великаго писателя Льва Толстого отлучили отъ церкви только за его убѣжденія. У Егора Сергѣевича стала появляться масса вопросовъ по поводу всего видѣннаго, онъ сталъ искать отвѣтовъ на нихъ, много читалъ и, наконецъ, за возмущеніе противъ отдачи студентовъ въ солдаты, попалъ въ тюрьму вмѣстѣ съ другими товарищами.

Въ тюрьмѣ онъ въ первый разъ увидѣлъ революціонныя книги и сошелся съ людьми, которые и думали, и чувствовали такъ, какъ онъ. И отвѣты на мучившіе его вопросы онъ получилъ изъ тѣхъ книгъ, которыя называются запрещенными, потому что правительство не позволяетъ ихъ печатать, боясь, чтобы русскіе люди не узнали всей правды. Но эти книги все же печатаются безъ его разрѣшенія, какъ напримѣръ настоящее «Красное Знамя», и распространяются тайно. Изъ этихъ книгъ онъ узналъ по немногу всю правду о русской землѣ. Онъ узналъ, какъ живетъ, сколько несправедливостей терпитъ рабочій людъ, какъ люди борятся за справедливость, за свою свободу. И загорѣлось его сердце.

Скоро его выпустили, но черезъ два мѣсяца опять арестовали только за то, что онъ читалъ запрещенныя книги. Тутъ ужъ онъ увидѣлъ, что русскому че-

ловѣку шагу спокойно ступить нельзя, что ему ни жить, ни думать, ни учиться невозможно такъ, какъ онъ того хочетъ, и Егоръ Сергѣевичъ рѣшилъ боротбся съ правительствомъ, которое не даетъ жить, которое жметъ и душитъ все живое, все, что не можетъ спокойно переносить его злодѣйства. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался настоящимъ революціонеромъ и рѣшилъ добиваться свободы и справедливости для русскаго народа. Онъ много работалъ, распространяя среди рабочихъ массъ свои мысли и уча товарищей, какъ нужно бороться съ правительствомъ. Въ то время онъ еще не былъ террористомъ. Но видя, какъ правительство жестоко наказываетъ за каждое проявленіе живой мысли, живого дѣла — онъ понялъ, что съ одной мирной пропагандой далеко не уйдешь. Онъ увидѣлъ, что русскіе министры не останавливаются даже передъ кровавой расправой, чтобы задушить народное сознаніе. Онъ самъ говоритъ: «Дѣятельность Сипягина и Плеве мало-по-малу привели меня къ признанію необходимости вооруженныхъ отвѣтовъ на насилія министровъ».

Какъ разъ въ это время уфимскій губернаторъ Богдановичъ велѣлъ разстрѣлять на улицахъ Златоуста безоружныхъ рабочихъ, которые виноваты были только въ томъ, что не хотѣли позволить казнѣ отнять у нихъ заработанное жалованіе. И онъ рѣшилъ, что если на такого злодѣя, какъ Богдановичъ, нѣтъ управы обычнымъ путемъ,—если власти, и судьи, поставленные будто бы для поддержанія справедливости и порядка, вмѣсто того сами совершаютъ или покрываютъ преступленія противъ народа, то надо добиться правосудія инымъ путемъ. Партіей Соціалистовъ-Революціонеровъ Богдановичъ былъ признанъ достойнымъ смерти и убитъ Боевой Организаціей Партіи. «Боже мой, да будутъ вѣчно благословенны тѣ люди, которые сдѣлали то, что должны были сдѣлать» — сказалъ Сазоновъ, узнавъ объ этомъ.

Самъ онъ въ это время уже въ третій разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ тюремныхъ стѣнахъ у него продолжалась все та же борьба съ царскими слугами, которые всѣ подражали своему начальству. Жандармы очень грубо обращались съ Сазоновымъ и съ его

матерью, которая приходила къ нему на свиданіе, — и этимъ не разъ вызывали съ его стороны возмущеніе и голодовки, единственное доступное въ тюрьмѣ средство сопротивленія. Накопецъ его выслали на 5 лѣтъ въ Якутскую область. Онъ бѣжалъ изъ Сибири и вернулся въ Россію уже рѣшительнымъ террористомъ. Онъ понялъ, что лишеніе жизни сильныхъ, безотвѣтственныхъ злодѣевъ, смѣющихся надъ правосудіемъ, — это не убійство, а долгъ передъ народомъ, который терпитъ ихъ издѣвательства. А разъ сознавъ это, онъ уже не могъ ни передъ чѣмъ остановиться и самъ первый пошелъ на дѣло, которое считалъ необходимымъ для блага народнаго — таковъ ужъ былъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, случилось то, что смирный, покорный мальчикъ обратился въ отважнаго борца, совершившаго великое дѣло уничтоженія опаснаго народнаго врага, министра Плеве.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ самъ Сазоновъ: «Да, правительство сдѣлало изъ меня, человѣка мирнаго— революціонера. Когда я бѣжалъ изъ Сибири, я чувствовалъ, что за моею спиною стоятъ кровавые призраки, не оставлявшіе меня ни днемъ, ни ночью, шептавшіе мнѣ: «ты долженъ пойти на Плеве». Когда я узналъ, что творится министрами въ Россіи, я чувствовалъ себя не вправѣ пользоваться благоденствіемъ и мирнымъ житіемъ. Мирная дѣятельность лично для меня уже невозможна. Убивая министра Плеве, я совершилъ только то, что требовала моя совѣсть».

ПОБѢГЪ Е. САЗОНОВА.

Выходя въ качествѣ пересыльнаго арестанта изъ Александровской тюрьмы (близь Иркутска), Сазоновъ рѣшилъ воспользоваться первымъ же, сколько нибудь удобнымъ случаемъ, чтобы вернуться на свободу, осуществить давно взлелѣянныя имъ за долгое тюремное сидѣнье, мечты. Иркутско-Якутскій трактъ долженъ былъ представить въ этомъ отношеніи не мало подходящихъ моментовъ, такъ какъ этапы на этомъ пути довольно первобытные, а стража больше полагается на отдаленность и пустынность мѣстности, на опасность побѣга среди дикаго «братскаго»

(бурятскаго) населенія, чѣмъ на прочность затворовъ и высоту палей (забора изъ высокихъ заостренныхъ бревенъ). Дѣйствительно, на одномъ изъ первыхъ же станковъ Сазонову представились довольно счастливыя обстоятельства. Едва только партія, съ которой онъ путешествовалъ, вошла въ этапный дворъ, Сазоновъ, воспользовавшись всеобщей суматохой среди партіи и среди стражей, обыкновенно сопровождающей пришествіе на новый этапъ, успѣлъ быстро обслѣдовать тюрьму. Онъ замѣтилъ, что очень легко забраться на этапный чердакъ, оттуда перейти въ сосѣднее конвойное зданіе, а затѣмъ уже прямо спуститься за пали. Онъ все это быстро продѣлалъ, не перемѣнивши даже костюма, не захвативъ пальто, а оставшись въ томъ пиджакѣ, въ которомъ онъ путешествовалъ. Ему надо было спѣшить, пока кругомъ этапа еще не были разставлены часовые. Очутившись на свободѣ, онъ направился въ близь-лежащій лѣсъ мимо рѣчки, около которой крестьянки стирали бѣлье. Крестьянки удивленно взглянули на эту, необычную въ такомъ мѣстѣ, фигуру, но съ сибирской флегмой продолжали свое дѣло, не заинтересовавшись прохожимъ. Очутившись въ лѣсу, Сазоновъ рѣшилъ не углубляться въ него и, ожидая событій, залегъ въ высокую траву и кустарникъ около дороги. Скоро онъ услышалъ раздавшійся выстрѣлъ и понялъ, что его отсутствіе замѣчено и началась тревога. Черезъ нѣсколько времени изъ этапа выбѣжала ватага солдатъ съ двумя жандармами, обыкновенно сопровождающими политическую партію. Погоня бросилась къ прачкамъ. На вопросъ, не проходилъ ли тутъ бѣглецъ, прачки отвѣтили утвердительно и указали, что тотъ отправился въ лѣсъ. Вся ватага пробѣжала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ притаившагося Сазонова, но почти сейчасъ же остановилась, встрѣтивъ двухъ крестьянъ. Завязалась продолжительная бесѣда. Крестьяне заявили, что никого не встрѣчали и высказали мнѣніе, что бѣглецъ удачно проберется къ Иркутску.

— Ну, гдѣ ему добраться? замѣтилъ одинъ изъ жандармовъ.—Мѣста здѣшняго онъ не знаетъ, заплутается, и мы его голыми руками возьмемъ...

Однако мужики не сдавались.

— Чай, человѣкъ то онъ ученый, знаетъ, что рѣчка къ Иркутску течетъ; всего то бо верстъ, въ два дня вдоль по рѣчкѣ то и отмахаетъ!

— А кормиться чѣмъ станетъ? возразилъ жандармъ. Съ голоду подохнетъ прежде, чѣмъ до Иркутска доберется.

— Ну, человѣкъ образованный, знаетъ сколько теперь въ лѣсу брусники то; брусникой два дня отлично проживетъ...

Сазоновъ все это моталъ себѣ на усъ. Теперь онъ зналъ и направленіе, по которому надо двинуться и чѣмъ кормиться ему.

Погоня двинулась дальше, а Сазоновъ рѣшилъ не раньше выйти изъ своей засады, какъ настанетъ темь. Прошло такъ часа два-три. Вдругъ онъ слышитъ по дорогѣ осторожные, крадущіеся шаги. Оказалось, что одинъ изъ жандармовъ, вернувшись изъ неудачной погони, рѣшилъ обслѣдовать кустарники вдоль дороги и для большей вѣрности захватилъ съ собою охотничью собаку. Шагъ за шагомъ приближался онъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Сазоновъ. Собака, обнюхавши кусты, направилась прямо на лежащаго бѣглеца, и онъ уже могъ расслышать ея тяжелое дыханіе. Все было потеряно, надо было отдаться опять въ руки властей! Сопротивляться жандармамъ безъ оружія въ рукахъ было немыслимо, но встать и заявиться передъ взорами начальства было такъ непріятно и глупо, что Сазоновъ рѣшилъ лучше ждать, пока жандармъ самъ его подниметъ. Вдругъ совершилось какое то чудо: собака постояла нѣкоторое время, обнюхивая Сазонова и затѣмъ, не издавъ звука, двинулась дальше, уведя за собою жандарма. Сазоновъ былъ спасенъ. Дождавшись ночи, онъ направился къ рѣчкѣ и слѣдуя берегомъ по ея теченію, шелъ всю ночь. Рано утромъ онъ набралъ достаточное количество брусники, которая въ это время года была очень мучнистая и питательная. День онъ опять пролежалъ въ кустахъ, а къ слѣдующему утру добрался до Иркутска.

Въ Иркутскѣ ему пришлось прожить довольно долго, пока онъ не раздобылъ паспорта и денегъ. Затѣмъ сѣлъ въ Сибирскій курьерскій поѣздъ и полетѣлъ въ Россію. Въ вагонѣ ему попался попутчикомъ какой-то генералъ съ дочкою, которому Сазоновъ очень понравился и съ которымъ онъ не разлучался во всю дорогу. Въ буфеты на станціяхъ они отправлялись всегда вмѣстѣ и жандармы вытягивались во фронтъ, отдавая честь бѣглецу.

Прошло немного времени и вотъ Сазоновъ уже на гра-

ницѣ. Въ пограничномъ мѣстечкѣ онъ не засталъ рекомендованнаго ему контрабандиста и долженъ былъ въ корчмѣ дожидаться его прихода. Вдругъ вваливается урядникъ и увидавъ незнакомаго человѣка, требуетъ у него паспортъ. Паспортъ Сазонова — простая, нигдѣ не прописанная новая фальшивка — не понравился представителю «порядка».

— Ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ?

— Закупать скотъ.

— Нѣтъ, парень, не ладно твое дѣло. Я составлю протоколъ и препровожу тебя къ становому, пускай разберетъ.

Дѣлать было нечего. Приступили къ составленію протокола. Столъ оказался настолько грязнымъ, что на него невозможно было положить бумагу. Сазоновъ вспомнилъ, что у него въ карманѣ лежитъ номеръ „**Дружескихъ Рѣчей**“, журнальчика, издаваемаго княземъ Мещерскимъ на казенныя деньги для напущенія тумана въ крестьянскія и рабочія головы. (И какъ только этакое добро попало въ сазоновскій карманъ?!). Егоръ вытащилъ номеръ и любезно предложилъ разостлать его на столѣ. Дѣйствіе получилось совершенно неожиданное!... Это было время, когда „Дружескія Рѣчи“, посредствомъ цѣлаго ряда циркуляровъ, усердно рекомендовались высшимъ начальствомъ низшему «для распространенія здравыхъ понятій въ народѣ». Урядникъ циркуляры зналъ, самой же премудрости, о которой писались эти циркуляры, еще не видѣлъ; теперь онъ этого сподобился и тѣмъ сильнѣе былъ пораженъ. Портретъ царя во всѣхъ регаліяхъ и знакахъ царскаго достоинства, помѣщенный на первой страницѣ, окончательно убѣдилъ блюстителя порядка въ томъ, какого маху онъ далъ, отнесшись подозрительно къ обладателю такой патентованной благонадежности, какъ эта книжка. Тонъ урядника совершенно перемѣнился; о протоколѣ онъ совершенно забылъ и, напившись чаю, оставилъ Сазонова... дожидаться своего контрабандиста.

Думалъ ли когда нибудь князь Мещерскій, что онъ спасетъ того, кто нанесъ смертельный ударъ княжескому покровителю и всей системѣ, такъ ревностно защищаемой княземъ?

НА СМЕРТЬ ПЛЕВЕ.

Убитъ отверженный страной
Жестокій рабъ, палачъ кровавый,
Чья жизнь змѣиною отравой
Текла въ крови земли родной!
Отчизну въ саванъ гробовой
Съ своей приспѣшною аравой
Одѣлъ онъ заживо... Бичомъ
Онъ сѣкъ согбенную трудомъ,
Его питающую спину;
Апостолъ тьмы, рожденный тьмой —
Гасилъ онъ въ ярости тупой
Въ избѣ послѣднюю лучину......
Но срокъ пришелъ, и грянулъ часъ
Великой кары, мести правой:
Народной страшною расправой
Растерзанъ въ клочья онъ... Не опасъ
Его ни подлый сонмъ шпіоновъ,
Ни благостыни царской знакъ,
Ни злость прикормленныхъ собакъ,
Ни мощь покорныхъ легіоновъ
Слѣпыхъ, обманутыхъ людей,
На мать натравленныхъ дѣтей!

* * *

Пусть память чорную твою
Одѣнетъ лесть въ цвѣтное платье —
Печать нетлѣнную свою
На ней оставило проклятье!
Пускай корыстный, жалкій попъ
Твой гнусный трупъ, твой пышный гробъ
Съ молитвой лживою зароетъ, —
Ничто, ничто теперь не скроетъ,
Тобой заслуженный позоръ:
Ужъ прояснѣлъ народный взоръ,
И духъ народный все увидитъ,
И лишь полнѣй возненавидитъ,
Что ненавидѣлъ съ давнихъ поръ!

Е. С.

16 (29) іюля 1904 г. Готенборгъ, Швеція

Нѣсколько словъ объ А. Д. Покотиловѣ и Ш. В. Сикорскомъ.

За избавленіе отъ фонъ-Плеве русскому народу пришлось заплатить болѣе чѣмъ *одною* благородною жизнью. Ранѣе, чѣмъ предпринялъ свой геройскій поступокъ Сазоновъ, тотъ же подвигъ думалъ выполнить другой членъ Боевой Организаціи, Алексѣй Дмитріевичъ Покотиловъ. 31 марта 1904 года онъ поселился въ Петербургѣ въ Сѣверной гостинницѣ и сталъ готовить бомбы. Это очень опасная работа. Неосторожный толчокъ можетъ разбить стеклянныя трубки внутри снаряда и тогда непремѣнно произойдетъ взрывъ. Такъ это и случилось съ Покотиловымъ. Одна изъ бомбъ была уже готова, какъ вдругъ ее взорвало и Покотиловъ былъ убитъ на мѣстѣ.

Алексѣй Дмитріевичъ Покотиловъ происходилъ изъ дворянской, даже аристократической семьи, но душой онъ съ раннихъ лѣтъ былъ за одно съ рабочимъ народомъ и рѣшилъ всю жизнь свою посвятить борьбѣ за правду и справедливость. Родился онъ 4-го апрѣля 1879 г. и первоначальное образованіе получилъ въ домѣ своего отца, богатаго военнаго инженера. Въ 1895 г. онъ поступилъ въ Ларинскую гимназію въ С.-Петербургѣ, по окончаніи курса въ которой, былъ въ 1900 г. зачисленъ на юридическій факультетъ Кіевскаго университета. Съ этого времени начинается революціонный періодъ его жизни. Будучи товарищемъ Балмашева, онъ принялъ самое дѣятельное участіе въ студенческихъ волненіяхъ 1900—1901 г., и только по счастливой случайности не попалъ, вмѣстѣ съ другими, въ солдаты. Въ январѣ 1901 г., онъ былъ арестованъ въ Петербургѣ, куда ѣздилъ представителемъ отъ своего университета, и, по освобожденіи, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Полтаву. Въ Полтавѣ Алексѣй Дмитріевичъ окончательно проникся тѣми убѣжденіями, которымъ оставался вѣренъ до самой своей смерти, и тогда же примкнулъ къ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Только случайно Качуру, а не ему выпала честь покушенія на кн. Оболенскаго. Очутившись въ 1902 году заграницей, Покотиловъ ждалъ лишь удобнаго случая, чтобы принять дѣятельное участіе въ террористической борьбѣ. Въ дѣлѣ Плеве онъ игралъ видную и отвѣтственную роль, и, кромѣ того, именно ему должна была

принадлежать честь перваго нападенія на всемогущаго министра. По поводу его смерти Центральный Комитетъ П. С.-Р. выпустилъ 2-го апрѣля нижеслѣдующую прокламацію:

„31 марта въ первомъ часу ночи въ г. С.-Петербургѣ въ Сѣверной гостинницѣ жертвой случайнаго взрыва погибъ нашъ товарищъ, членъ Боевой Организаціи П. С.-Р.

„Товарищъ палъ на посту, исполняя свой долгъ.

„Боевая Организація продолжаетъ свое дѣло".

Такимъ образомъ несчастье въ Сѣверной гостинницѣ лишь нѣсколько отдалило, но не отмѣнило казнь злого народнаго врага и вотъ вслѣдъ за Покотиловымъ идетъ на тотъ же подвигъ Е. С. Сазоновъ. Но и Сазоновъ пошелъ на него не одинъ. Высокопревосходительные палачи своей родины оберегаются хорошо и — тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе они относительно ея виноваты. Добраться до нихъ не такъ-то легко. Вотъ почему 15 іюля 1904 г. близь Варшавскаго вокзала поджидалъ Плеве, кромѣ Сазонова, еще и Ш. В. Сикорскій. У каждаго было по бомбѣ и еслибы дѣло не удалось первому, то бросилъ бы свою второй. Но одной бомбы оказалось достаточно.

Видя, что снарядъ Сазонова сдѣлалъ свое дѣло и что вторая бомба не нужна, Сикорскій оставилъ Измайловскій проспектъ, гдѣ казненъ былъ Плеве, и поѣхалъ на извощикѣ на Васильевскій островъ. Тамъ онъ нанялъ лодочника Максима Кондратьева, будто-бы для прогулки по рѣкѣ Невѣ и, отъѣхавъ съ полверсты, бросилъ свой снарядъ въ воду. Теперь онъ былъ покоенъ, что бомба никому и ничему не принесетъ вреда. Но не такъ думалъ его лодочникъ. Неподалеку стоялъ броненосный корабль „Слава". Кондратьевъ, человѣкъ темный и наслушавшійся полицейскихъ сплетень о томъ, будто „внутренніе враги" портятъ казенные корабли, заподозрилъ своего сѣдока въ попыткѣ причинить вредъ „Славѣ". Онъ не понималъ того, что если бы даже Сикорскій и желалъ испортить броненосецъ (чего не было), то такимъ снарядомъ, какой былъ у него въ рукахъ, этого невозможно было сдѣлать. Сколько Сикорскій ни уговаривалъ его, сколько ни просилъ отпустить, предлагалъ даже деньги, Кондратьевъ уперся и, приставъ къ берегу, сдалъ его полиціи. Такъ какъ первоначально неизвѣстно было, *что* именно Сикорскій бросилъ въ воду, то полиція начала производить въ водѣ поиски,

но безуспѣшно. Такимъ образомъ вплоть до августа мѣсяца 1904 года его ни въ чемъ нельзя было уличить.

Но вотъ въ августѣ 1904 года другіе рабочіе, именно — служившіе у рыбопромышленника Колотилова, случайно вытащили неводомъ эту самую бомбу и, слыша, что и полиція чего-то искала, представили находку по начальству.

Такимъ то образомъ вышло, что Сикорскій, самъ рабочій, познавшій на самомъ себѣ и своей семьѣ все горькое и безвыходное положеніе трудящагося человѣка, изъ котораго современные русскіе государственные и общественные порядки высасываютъ соки и бьютъ и унижаютъ, если онъ противъ этого возвышаетъ голосъ, — Сикорскій, который поставилъ на карту собственную жизнь, чтобы избавить трудовой народъ отъ главнаго его мучителя и устроителя этихъ порядковъ, — былъ преданъ въ руки народныхъ враговъ тѣми самыми собратьями-рабочими, за честь, свободу и счастье которыхъ онъ ополчился! А все почему? Потому что эти несчастные, темные люди — и лодочникъ Кондратьевъ и Колотиловскіе рыбаки — до сихъ поръ не могли понять, что императорская „казна" со всѣми ея броненосцами, что царская полиція и начальство суть первые враги рабочаго народа; что, поэтому, помогать имъ, особенно въ ихъ розыскахъ „внутреннихъ враговъ" — значитъ налагать на самихъ себя руки, предавая своихъ собственныхъ братьевъ-героевъ во власть казенныхъ злодѣевъ.

Преданный, такимъ образомъ, по неразумію, собственными братьями, Сикорскій былъ присужденъ къ 10 годамъ каторжныхъ работъ. Долгій это срокъ, съ избыткомъ достаточный, чтобы замучить любого молодого, здороваго человѣка; но на этотъ разъ мучителямъ, пожалуй, не успѣть докончить свое подлое и жестокое дѣло: раскаты народнаго гнѣва уже слышатся по всей Россіи и не пройдетъ и половины срока мученія, назначеннаго Сикорскому, какъ народная революція смететъ съ лица русской земли самодержавіе со всѣми его тюрьмами и каторгой, и Сикорскій, вмѣстѣ со всѣми мучениками за свободу и справедливость, какіе еще останутся въ живыхъ, возвратятся къ свободной и болѣе счастливой жизни, и многіе милліоны глазъ будутъ покоиться на нихъ съ уваженіемъ и благодарностью.

Воспоминанія о Ш. Сикорскомъ.

Онъ стоитъ передъ моими глазами, какъ живой со всѣмъ его прошлымъ, со всей его дѣятельностью. Я вспоминаю его еще ребенкомъ, когда онъ бѣгалъ въ хедеръ (еврейское училище) и въ моей памяти проходитъ вся его жизнь до его послѣдняго героическаго поступка.

Когда онъ еще учился вмѣстѣ со мною въ хедерѣ, онъ уже тогда выдавался способностями, среди всѣхъ товарищей. Къ сожалѣнію, онъ былъ сыномъ бѣдныхъ родителей, которые не могли дать ему сколько-нибудь порядочнаго образованія. Кто знаетъ, что изъ него вышло бы, если бы онъ могъ развить всѣ блестящія способности, которыми его одарила природа. Даже отъ жалкой грамоты, которой его обучали въ хедерѣ, его оторвали очень рано. Сикорскому еще не было полныхъ 14-ти лѣтъ, когда его заперли въ тѣсной и грязной фабрикѣ и изъ него стали высасывать силы и жизнь; все его время, и днемъ, и ночью, было продано — и ему едва оставалось нѣсколько часовъ для сна.

Но его молодое и здоровое чувство скоро начало протестовать противъ такого положенія вещей. Въ особенности мучило его, что онъ не имѣетъ свободнаго времени, чтобы утолять свою духовную жажду. Въ такіе моменты онъ обыкновенно жаловался мнѣ: «Неужели я вѣчно останусь въ неволѣ,—какъ волъ подъяремный!» Онъ постоянно былъ озабоченъ—и уже тогда на его лицѣ было выраженіе гордости и рѣшимости.

Однажды онъ мнѣ говоритъ: «Знаешь, я рѣшилъ уѣхать въ Бѣлостокъ, тамъ немного свѣтлѣе, городъ культурнѣе и рабочій день тамъ не настолько дологъ какъ здѣсь въ Книшинѣ. Тамъ, можетъ быть, мнѣ удастся пріобрѣсть нѣкоторое развитіе». Его постоянно мучило, что онъ недостаточно образованъ. Когда ему исполнилось 17 лѣтъ, сейчасъ послѣ Пасхи, онъ уѣхалъ въ Бѣлостокъ искать работы, но онъ тамъ работы не нашелъ и отправился въ мѣстечко Криники, гдѣ имѣется нѣсколько кожевенныхъ заводовъ.

Въ Криникахъ, гдѣ уже выработался типъ современнаго «хозяина» и типъ современнаго «рабочаго», Сикорскій впервые понялъ соотношеніе этихъ двухъ классовъ современнаго общества. Въ этомъ мѣстечкѣ онъ имѣлъ воз-

можность наглядно сравнить нищенскую, несчастную, полную труда и лишеній жизнь рабочихъ съ безпечальной и широкой жизнью праздныхъ богачей. Его мысль начала усиленно работать, его чувства начали испытывать рѣзкій переломъ. У молодого Сикорскаго пробудился вѣчный вопросъ—о богѣ: почему онъ однихъ всѣмъ надѣляетъ, а другихъ всего лишаетъ? — и въ благородной душѣ уже началась глубокая работа. Передъ Сикорскимъ уже выступилъ вопросъ, какъ облегчить и улучшить положеніе трудящихся? Онъ вошелъ глубже въ рабочую жизнь, сталъ знакомиться съ ея условіями и задался цѣлью объединить своихъ товарищей для борьбы за улучшеніе ихъ положенія. Но онъ чувствовалъ себя еще неспособнымъ къ этой задачѣ. Жизнь ставила передъ нимъ все новые запросы, и онъ не находилъ на нихъ отвѣта. И снова рѣшилъ онъ уѣхать въ большой городъ, гдѣ онъ могъ бы нѣсколько развиться и найти отвѣты на все, что его занимало.

Къ тому времени агитаторы уже стали посѣщать небольшія индустріальныя мѣстечки и подготовлять рабочихъ къ великой классовой борьбѣ. Сикорскій, конечно, однимъ изъ первыхъ сошелся съ этими агитаторами; онъ попросилъ рекомендацій къ соціалистически-развитымъ рабочимъ большого города. Они дали ему «пароль» — и онъ ступилъ на путь революціонный. Сикорскій тогда еще стоялъ совершенно внѣ партій, не считался ни бундистомъ, ни соціалистомъ-революціонеромъ. На праздникъ Кущей онъ пріѣхалъ домой, къ родителямъ, которыхъ онъ горячо любилъ. Я встрѣтилъ въ немъ тогда уже совершенно новаго человѣка и увидѣлъ, что начинается новая полоса въ его жизни. Изъ мальчика онъ превратился въ серьезнаго человѣка, въ борца.

Онъ началъ пропагандировать мнѣ свои взгляды, просвѣщать меня — и я убѣдился, что за то время, что онъ пробылъ на чужбинѣ, онъ много пріобрѣлъ. Я удивлялся ему, завидовалъ, что онъ освѣдомленъ во всемъ, что онъ такъ хорошо знакомъ съ жизнью. Говорилъ онъ къ тому времени очень плавно и литературно.

Всѣ праздники мы провели въ постоянныхъ бесѣдахъ и я почувствовалъ, что становлюсь подъ его вліяніемъ совершенно инымъ человѣкомъ. Наша дѣтская дружба еще больше укрѣпилась. Просилъ я его остатся со мною въ

Книшинѣ, но просьба не помогла и сейчасъ-же послѣ праздниковъ онъ уѣхалъ въ Бѣлостокъ. Послѣ этого прошло довольно много времени — и ни я, ни его родители не получали отъ него никакихъ извѣстій. На слѣдующій праздникъ онъ ужь не пріѣзжалъ домой. Это меня очень удивило, но я пришелъ заключенію, что онъ вѣроятно поглощенъ важными дѣлами. Только черезъ полтора года онъ снова пріѣхалъ на праздникъ домой, и снова замѣтна была въ немъ большая перемѣна, еще большая, чѣмъ раньше. Онъ сдѣлался гораздо болѣе умственно и духовно развитымъ, выказывалъ хорошее знаніе русской жизни и пониманіе, чего ей не достаетъ. Онъ говорилъ о роли деспотическаго абсолютизма въ русской жизни и о томъ, какъ его низвергнуть для того, чтобы достигнуть свободы. Однимъ словомъ, я встрѣтилъ въ немъ человѣка съ твердыми убѣжденіями и съ священнымъ идеаломъ соціализма въ душѣ. Я до сихъ поръ помню, какъ горячо и убѣжденно говорилъ онъ со мною обо всемъ этомъ, и съ какой силой доказывалъ онъ, что въ борьбѣ съ правительствомъ, необходимой для уврачеванія ранъ подавленнаго русскаго народа, могутъ помочь и отдѣльные героическіе акты единичныхъ лицъ. Его рѣчи произвели на меня потрясающее впечатлѣніе.

Родители, узнавъ о его взглядахъ, очень испугались за него, сильно укоряли и упрашивали, чтобъ онъ „не дѣлалъ себя несчастнымъ". Они его пугали, говоря что онъ кончитъ плохо, что его запрутъ въ тюрьму гдѣ онъ исчахнетъ и потеряетъ „всю красоту своего лица"; они доказывали ему, что при такомъ большомъ заработкѣ (онъ тогда зарабатывалъ 15 руб. въ недѣлю) онъ можетъ уже быть счастливымъ, не ожидая счастья всего народа. Онъ отвѣчалъ имъ, что работая для свободы, онъ принесетъ счастье и для нихъ, и для другихъ — и если даже онъ попадетъ въ тюрьму, то онъ и этимъ будетъ служить движенію...

Свой большой заработокъ онъ не тратилъ исключительно на себя а дѣлился имъ съ другими. Онъ или помогалъ деньгами, или уступалъ безработнымъ часть своей работы; а такъ какъ это было время кризиса и было много безработныхъ, то онъ жертвовалъ большую часть заработка въ пользу товарищей.

Послѣднюю Пасху онъ провелъ дома. Онъ мнѣ жало-

вался, что сердце его не можетъ выносить мученія и горя безработныхъ массъ. Онъ сказалъ мнѣ какъ то, что только кровью русскихъ властителей могъ бы онъ утишить свой гнѣвъ. Всѣ праздники мы обсуждали, какъ можно улучшить положеніе рабочихъ... Послѣ праздника онъ уѣхалъ обратно въ Бѣлостокъ, но сказалъ мнѣ, что думаетъ оттуда поѣхать въ Одессу.

Мы ничего не слышали о немъ довольно долгое время. Приблизительно недѣли за три до убійства Плеве, онъ пріѣхалъ, повидимому затѣмъ, чтобы попрощаться. Онъ въ тотъ же день уѣхалъ. Я ему разсказалъ, что хочу переселиться въ Америку. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что грѣшно борцу покидать свою родину. Мы попрощались. Этого прощанія я никогда не забуду... Оно и теперь, какъ живое, стоитъ передъ моими глазами. Когда мы уже попрощались, онъ снова вернулся и снова обнялъ и поцѣловалъ меня. Онъ трогательно просилъ меня остаться вѣрнымъ нашимъ идеямъ. Эта просьба была высказана съ такой силой, съ такой искренностью, что могла тронуть камень. Еще трогательнѣе было прощаніе съ родителями. Никогда раньше онъ такъ съ ними не прощался. Онъ упалъ въ объятія матери, и много разъ нѣжно обнималъ и цѣловалъ ее. Всѣ смотрѣвшіе на эту сцену, стояли, какъ окаменѣлые... Черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Плеве пріѣхала въ Книшинъ цѣлая слѣдственная комиссія изъ Петербурга, чтобы произвести познаніе о Шимонѣ (это первое имя Сикорскаго). Но они ничего не узнали. Они забрали его отца, но скоро выпустили его. Свиданіе съ сыномъ ему не было разрѣшено. Чрезъ нѣсколько недѣль отъ Шимона получилось письмо къ родителямъ: онъ просилъ ихъ не печалиться, писалъ что онъ вполнѣ здоровъ, бодръ и веселъ. Онъ также просилъ, чтобы они ему писали. Я сейчасъ-же написалъ ему отъ имени отца, но отвѣта отъ него уже не было.

Х. Ячменникъ *изъ Книшина.*

ВИДѢНІЕ.

На сѣверѣ есть островъ каменистый,
На островѣ томъ высится тюрьма,

Безрадостна, какъ сѣрый воздухъ мглистый,
Безжизненна, какъ гробовая тьма.
Схоронены тамъ хищными руками
Сердца живыя, полныя тревогъ
И замкнуты за сорока замками,
Чтобы народъ услышать ихъ не могъ.
Имъ родина въ цѣпяхъ тяжелыхъ снится
И кровь изъ нихъ горячая сочится.

Безъ отдыха ихъ злая мука гложетъ,
За каплей капля — убываетъ кровь...
О, мой народъ! Спѣши, иль не поможетъ
Ни гнѣвъ твой правый, ни твоя любовь!
Расти, расти, волна святого гнѣва,
Катись быстрѣй, и выше, и грознѣй
Подъ мощный звукъ народнаго напѣва,
Подъ гулъ шаговъ проснувшихся людей!
Грянь, грянь скорѣй, гроза народной мести
И размечи могилу нашей чести!...

Возможно ли?! Я слышу звукъ набата, —
Онъ далеко несетъ святую вѣсть:
„Пора! пора! За попраннаго брата!
„Пора! пора! За собственную честь!“
Впередъ, впередъ!.. Кипитъ людское море...
Смятъ часовой... сдается гарнизонъ...
И мертвецы воскресли, — на просторѣ!..
И всякій звукъ побѣдой заглушенъ!
Толпы людей, свободой упоенныхъ,
Несутъ, поднявъ, своихъ освобожденныхъ!

Ф. Волховскій.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

Весь міръ раздѣленъ теперь на 2 враждебныхъ другъ другу лагеря: лагерь униженныхъ и обиженныхъ, угнетенныхъ и обираемыхъ, всѣхъ трудящихся и обременен-

ныхъ; и лагерь гонящихъ и угнетающихъ, грабящихъ и обирающихъ, лагерь господствующихъ и командующихъ классовъ.

Такой неестественный порядокъ вещей можетъ существовать лишь, благодаря неорганизованности угнетенныхъ.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Наступаетъ онъ и царству насилія и несправедливости.

Трудящіеся и обремененные всѣхъ странъ сознали себя братьями, имѣющими общіе интересы и общихъ враговъ. Въ каждой странѣ стали зарождаться рабочія организаціи съ цѣлью самоосвобожденія изъ путъ невѣжества и оковъ насилія. Но подобно тому, какъ вредна разрозненность и разобщенность среди отдѣльныхъ рабочихъ, такъ не хороша она и среди цѣлыхъ организацій. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“ —таковъ высшій боевой кличъ всѣхъ трудящихся и угнетенныхъ, слѣдуя которому рабочія организаціи всѣхъ странъ—Франціи, Германіи, Англіи, Италіи, Америки и т. д. начинаютъ теперь столковываться между собою въ цѣляхъ какъ самозащиты, такъ и нападенія на своего заклятаго врага. Такое столковываніе совершается, главнымъ образомъ, на международныхъ съѣздахъ рабочихъ представителей или депутатовъ. Бываютъ такіе съѣзды представителей рабочихъ, принадлежащихъ къ одной какой либо профессіи, — напримѣръ, международные съѣзды нѣмецкихъ, англійскихъ и т. д. углекоповъ, прядильщиковъ и ткачей, рабочихъ машиннаго производства. Но, очевидно, однихъ такихъ съѣздовъ недостаточно. Какъ ни важны сами по себѣ профессіональные интересы той или иной отрасли труда, какъ ни полезно съѣзжаться и столковываться людямъ одного и того же ремесла, но необходимы и гораздо болѣе важны международные съѣзды представителей *политическихъ* рабочихъ организацій, преслѣдующіе не тѣ или иные специальные интересы отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ, а общіе интересы и задачи *всего рабочаго класса* и, прежде всего — задачу

полнаго политическаго и экономическаго самоосвобожденія.

Что дѣлать, какія мѣры предпринять, чтобы возможно скорѣе и вѣрнѣе прекратить страданія трудового народа и положить конецъ вѣковой несправедливости? Дабы разрѣшить этотъ главный и другіе близко съ нимъ связанные боевые, тактическіе и политическіе вопросы, касающіеся *всѣхъ* трудящихся *всѣхъ* странъ, и собираются теперь отъ времени до времени международные съѣзды или конгрессы соціалистическихъ организацій. Съѣзды эти называются соціалистическими, какъ извѣстно, потому, что имѣютъ въ виду перестроить общественную жизнь на справедливыхъ, *соціалистическихъ началахъ.* Въ настоящее время жизнь наша построена на привиллегіи сравнительно немногихъ лицъ владѣть вещами, нужными всѣмъ (это называется *частной собственностью)* а также на *соперничествѣ* („конкурренціи“) и *наймѣ.* Соціализмъ стремится къ тому, чтобы всѣ такъ называемыя средства и орудія производства, т. е. машины, фабрики, заводы, желѣзныя дороги, рудники, лѣса, первѣе же всего *земля* — были обращены во *всенародную собственность,* т. е. принадлежали бы *всѣмъ,* но никому *въ частности;* онъ стремится также къ тому, чтобы все производство и вся человѣческая жизнь, вмѣсто *соперничества* и *найма* были построены на *братскомъ сотрудничествѣ* („кооперацiи“) и уравнительномъ пользованіи землею и прочими орудіями и средствами производства. О томъ, какія мѣры принять, чтобы въ ближайшемъ будущемъ приблизиться къ осуществленію такого порядка — и занимаются соціалистическіе съѣзды.

До сихъ поръ такихъ международныхъ соціалистическихъ съѣздовъ было шесть. Первый происходилъ еще въ 1889 году въ Парижѣ, столицѣ Французской республики. Послѣдній въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ, въ августѣ прошлаго 1904 года. Тутъ собрались представители рабочихъ всѣхъ образованныхъ странъ и націй, лучшіе вожди рабочихъ массъ въ со-

временной политической борьбѣ. Тутъ же оказались и представители рабочихъ классовъ Россіи и Японіи. И замѣчательно, въ тотъ самый моментъ, когда господствующіе и командующіе классы этихъ двухъ послѣднихъ государствъ втянули свои народы въ тяжелую, кровавую и безполезную войну, вредную какъ японскому, такъ и русскому рабочему, въ этотъ моментъ ихъ депутаты въ Амстердамѣ подали другъ другу руки передъ глазами всего міра, чтобы еще больше подкрѣпить идею общности интересовъ рабочихъ всѣхъ странъ и народовъ, идею международнаго братства. У русскаго и японскаго народа одинъ и тотъ же общій врагъ — современное государство, и, чтобы побѣдить его, необходимо ихъ братское единеніе. И, дѣйствительно, мы видимъ, какъ въ самой Россіи начинается уже послѣдняя кровавая борьба—война между царемъ съ толпами его опричниковъ съ одной стороны и русскимъ народомъ, открывшимъ въ нихъ своихъ истинныхъ враговъ-мучителей—съ другой.

На съѣздѣ въ г. Амстердамѣ была, между прочимъ, рѣчь о *всеобщей рабочей стачкѣ*, какъ одномъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ насильниками и эксплуататорами. Нѣкоторые депутаты предлагали подумать объ одновременной стачкѣ рабочихъ во всѣхъ странахъ; другимъ казалось это средство борьбы единственнымъ, исключающимъ или дѣлающимъ излишнимъ вооруженное возстаніе; третьи, наконецъ, указывали на крайнюю трудность революціонной борьбы рабочихъ съ современнымъ государствомъ и, слѣдовательно, на необходимость воспользоваться всѣми средствами, способными принести тотъ или иной ущербъ противнику. Всеобщая стачка великое и превосходное средство, но она не должна исключать и другого столь же важнаго средства, каково *всеобщее вооруженное возстаніе народа*, а равно и частную партизанскую борьбу противъ наиболѣе кровожадныхъ и вліятельныхъ мучителей народа. Русскій рабочій классъ, самый молодой членъ въ братской семьѣ современнаго международна-

го соціализма, подалъ свой голосъ какъ за всеобщую стачку, подымающую на ноги всѣ боевыя силы рабочихъ классовъ, такъ и за вооруженное возстаніе и противопоставленіе силы насилію, а также за уничтоженіе путемъ террористическихъ мѣръ наиболѣе вредныхъ и кровожадныхъ агентовъ самодержавнаго правительства.

Изъ года въ годъ растетъ соціалистическое движеніе, боевыя силы рабочихъ классовъ во всѣхъ образованныхъ странахъ все болѣе и болѣе мобилизуются, волна всенароднаго возстанія противъ стараго міра всяческой неправды и несправедливости все ширится и не далекъ тотъ день, когда она превратится въ великій, непреодолимый потокъ и смоетъ съ лица долготерпѣливой земли всѣхъ насильниковъ и эксплуататоровъ, всѣхъ душителей и грабителей своего народа.

Дни международнаго соціалистическаго съѣзда въ городѣ Амстердамѣ были особенно радостными днями для нашей партіи, для партіи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Наша молодая партія, поставившая себѣ задачей служеніе интересамъ не только одного фабрично-заводского пролетаріата, но и трудового эксплуатируемаго крестьянства, была въ эти дни формально принята въ великую семью современныхъ соціалистическихъ рабочихъ организацій въ качествѣ равноправнаго члена. Принявъ насъ, наши старшіе товарищи другихъ странъ тѣмъ самымъ пріобщили къ современному революціонному движенію фабрично-заводскаго и, вообще, городского пролетаріата и русское трудовое крестьянство. И недалеко уже то время, близокъ уже тотъ великій слушной часъ, когда русскій крестьянинъ докажетъ всему міру свое право на такое сотоварищество и свое пониманіе основныхъ идей соціализма, о которыхъ мы говорили выше. Къ городскому рабочему, возставшему за свою свободу, присоединится и русскій трудовой крестьянинъ. Вся русская земля дрогнетъ отъ этого движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ зашатается и весь не только политическій, но и

имущественный строй современнаго русскаго государства. Русскій трудовой крестьянинъ провозгласитъ великій революціонный кличъ имущественной *экспропріаціи*, т. е. изъятія земли изъ рукъ частной собственности и перехода ея въ собственность всего народа. Городской и фабричный рабочій не отстанетъ отъ своего деревенскаго собрата и, расширивъ поле своей борьбы, закончитъ великое дѣло перехода средствъ и орудій производства — фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и пр., и пр. — въ общенародную собственность на правѣ уравнительнаго пользованія и братскаго сотрудничества (кооперацiи).

Слѣдующій соціалистическій съѣздъ произойдетъ въ Штуттгартѣ въ Германіи въ 1907 г. Будемъ надѣяться, что русскій народъ завоюетъ до того времени свое насущное политическое и экономическое право: право на Землю и Волю.

РУСЬ.

Только зорька загорѣлася,
А ужъ Русь вся просыпается,
Вѣрно спать ей не хотѣлося:
Видя зорю, улыбается.

Освѣтила зорька ясная
Жизнь суровую, туманную, —
И увидѣла несчастная
Свою долюшку обманную.

Будетъ! Горя натерпѣлася,
Досыта наголодалася,
Пѣсенъ жалостныхъ напѣлася,
До упаду настрадалася.

Надоѣла жизнь безплодная,
Жизнь худая, подневольная,
Поднялася Русь голодная, —
Хмуритъ брови, недовольная.

Подымается могучая —
Въ сердце гнѣвъ да злоба жгучая —
На жестокаго мучителя,
На народнаго грабителя,

На опричину кромѣшную,
Что надъ Русью издѣвается,
Проливаетъ кровь безгрѣшную
Въ златѣ-серебрѣ купается!

Много лѣтъ спала покорная
Сномъ тревожнымъ, безотвѣтная,
Не спала одна упорная
Въ сердцѣ думушка завѣтная:

Дума крѣпкая о волюшкѣ
Въ сердцѣ трепетномъ таилася
И, созрѣвъ въ лихой неволюшкѣ,
На свободу запросилася.

И, въ себѣ почуя силушку,
Русь примолкла, призадумалась, —
Да глубокую могилушку
Рыть мучителямъ надумалась.

Рабочій.

